

НА ПОРОГЕ НОВОЙ *Артем* ЖИЗНИ

Иногда
прошлое не отпускает,
а будущее пугает.
Но любовь помогает
сделать первый шаг
навстречу новой жизни.

Вера

Алёна

Саша

Кирилл Блэк

16+

Кирилл Блэк

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

<https://litres.ru/74115214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варя Булатова переезжает из Волгограда в Москву вместе с мамой и отчимом. В новом городе её ждут не только сложности взросления, но и неожиданная встреча, которая изменит всё. Между ней и соседом Артёмом начинается странная история — он предлагает ей сделку: притворяться его девушкой два года, чтобы она была в безопасности от школьных хулиганов. Но за этим соглашением скрывается нечто большее...

Кирилл Блэк НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

ВАРВАРА

История одной любви

Роман

Я стояла на перроне и смотрела на поезд, который увозил меня в Москву. Я не знала, что меня ждёт. Я не знала, что там, за горизонтом, меня ждёт новый мир. И человек, который всё изменит. Иногда, чтобы обрести себя, нужно потерять всё. Или встретить того, кто увидит тебя настоящую.

Глава 1: Из Волгограда в Москву Это история о Варваре Булатовой. Варя с фамилией Булатова с пяти лет потеряла отца, который любил её всеми силами и был для неё и отцом и другом. Он был лучшим пилотом, но умер в авиакатастрофе. Мама нашла нового богатого худого мужчину по имени Максим. С тех пор началась история и жизненный путь Варвары из Волгограда. Максим был богат, но холоден. Он искренне любил свою жену — по-своему, собственнически, рев-

ниво. Он ревновал её к каждому столбу, к каждому случайному взгляду. А Варю он терпел как неизбежное приложение к ней. Он давал им деньги, оплачивал учёбу, покупал вещи, но никогда не скрывал, что считает падчерицу обузой. «Я тебя содержу, я тебя учу, я тебя одеваю — будь благодарна», — эти слова звучали в их доме часто. Варя платила ему тем же — холодной вежливостью и желанием поскорее вырасти и уехать. Мама, ослеплённая комфортом и блеском новой жизни, не замечала этого напряжения. Она видела только то, что хотела видеть: заботливого мужа и дочь, которая «неблагодарна» за всё, что он для них делает. «Варя, ты должна быть благодарна Максиму, — часто говорила мама. — Он даёт нам всё! Квартиру, одежду, твою учёбу! Без него мы бы пропали!» Варя молча кивала, но внутри всё сжималось от несправедливости. Она ненавидела его покровительственный тон и снисходительные взгляды. Ей казалось, что он покупает их, как вещи в магазине. Особенно бесило Варю, когда Максим при маме делал вид, что заботится о ней, а стоило маме отвернуться — он смотрел на Варю с таким холодным презрением, что становилось не по себе. Варя молчала. Она привыкла. Она знала: её настоящий отец никогда не смотрел на неё так. Я помню тот день, когда мне сказали, что папа не вернётся. Мне было пять. Я сидела на полу в своей комнате и

собираала пазл с самолётами. Мама вошла с красными глазами, опустилась рядом на колени и обняла меня так крепко, что я не могла дышать. «Папа улетел на небо», — сказала она. Я тогда не поняла. Я думала, он скоро вернётся. Прошло одиннадцать лет. Он так и не вернулся. А вместо него в нашей жизни появился Максим — чужой, холодный, с деньгами, которые должны были заменить любовь. Я помню его руки — большие, тёплые. Помню, как он подбрасывал меня в воздух, когда я была маленькой. Помню его смех — громкий, заразительный. А потом был звонок из аэропорта. И тишина. Мама плакала три дня. А я просто сидела в углу и смотрела на его фотографию, не понимая, почему он больше не придёт. Теперь я понимаю. Он ушёл навсегда. И никто не сможет его заменить. Даже Максим со своими деньгами и подарками. Он дарил мне дорогие вещи, но я не чувствовала от них тепла. Потому что тепло можно только подарить, а не купить.

Иногда я просыпалась ночью и слышала, как мама плачет в ванной. Она думала, что я сплю. Но я слышала. И я знала, что она скучает по отцу так же сильно, как и я. Просто она выбрала не вспоминать, а жить дальше. Я не винила её. Она хотела, чтобы у нас было будущее. Но это будущее оказалось с Максимом. И я не знала, что хуже — жить с чужим человеком или жить без отца. Варе уже шестнадцать. 25 сентября

Варя и её мать с отчимом решают переехать в другой город — в Москву, и жить в новостройках. Сев в поезд, они ехали два дня. Два дня стука колёс, двухэтажных вагонов, мелькающих за окнами городов и бесконечных полей. Два дня, за которые я успела тысячу раз пожалеть, что согласилась на этот переезд, и тысячу раз обрадоваться, что наконец-то покидаю Волгоград. Там остались старые друзья, которых я почти не видела, школа, которую я ненавидела, и могила отца, к которой я ходила каждое воскресенье. Я оставляла там цветы, сидела на скамейке и рассказывала ему о своей жизни. Я знала, что он не слышит. Но мне было легче. Я сидела у окна и смотрела, как за окном проплывают города, деревни, поля. Всё такое незнакомое, чужое. Но вдруг я заметила, что Максим наблюдает за мной. Его взгляд холодный, оценивающий. Он смотрит на меня так, будто я лишняя деталь в его идеальной картине мира. Мне становится не по себе. Я отворачиваюсь и делаю вид, что рассматриваю облака. Но я чувствую его взгляд на своей спине. Он не любит меня. И я не люблю его. Мы просто два человека, вынужденные терпеть друг друга ради мамы. Она не замечает этого напряжения. Или не хочет замечать. Может быть, она боится остаться одна. Может быть, она просто выбрала комфорт, а не правду. Вечернее солнце заливает небосвод огненно-оранжевыми и карминовыми красками, переливающимися в золотистые оттенки, и я, Варя, стою у окна поезда, заморожено наблюдая за этой невероятной палитрой. Необыкновенно кра-

сиво. Мои светлые, почти белые с золотистым отливом волосы рассыпались по плечам. Я худенькая, невесомая, в чёрной футболке с короткими рукавами и серых штанах, на ногах – белые кроссовки. На шее висят большие синие наушники, небрежно откиннутые назад. Мои тонкие руки сжимают прохладную раму окна. лёгкое дуновение ветра, которое проникает через щель в окне. Запах железной дороги смешивается с ароматом осенних листьев и дыма. Где-то вдалеке слышен гудок встречного поезда. Всё это так реально, так живо. И в то же время сном. Я закрываю глаза на секунду и представляю, как мы въезжаем в Москву. Я вижу огромные здания, огни, людей. Но внутри — пустота. Я не знаю, чего ждать от этого города. Может быть, он подарит мне что-то, чего у меня никогда не было. А может, просто разочарует, как разочаровал Максим. — Какая красота... – шепчу я, поджимая губы и тихонько вздыхая. – Будто мир говорит "до свидания" старым дням... и "привет" новому. Как будто всё меняется, и это... это так волшебно и немного страшно одновременно. Слова сами вылетают, словно пытаюсь выразить всю гамму чувств, что переполняют меня сейчас. Ведь совсем скоро мы будем в Москве. В новом городе. Новая жизнь. Без

друзей, без парня, без подруги – я привыкла к одиночеству, но всё равно всегда есть это щемящее чувство в груди. Отец умер, когда мне было пять, и его отсутствие навсегда легло тенью на мою жизнь. Сзади, словно по волшебству, слышится нежный голос мамы. — Варюш, у тебя всё хоро-

шо? Через пять минут всё. В Москве уже будем. Хорошо два дня ехали? Я медленно поворачиваюсь к ней, стараюсь улыбнуться искренне, хотя внутри всё ещё бушует вихрь эмоций. Она тоже худенькая, добрая, всегда так заботится обо мне. Рядом с ней сидит Максим, мой отчим. Он тоже худой, но при деньгах – всё-таки он сумел обеспечить нас всем необходимым, хотя я иногда чувствую себя обузой. — Да, мам, конечно, — говорю я, пытаюсь придать голосу уверенность. — Всё хорошо. Просто... просто это так много всего сразу. Новые впечатления, новый город... Всё таким неизведанным. Два дня пролетели незаметно, совсем не устала, знаешь, я даже как-то привыкла к этому стуку колёс, это такое убаюкивающее, успокаивающее ощущение. И вид из окна... это было просто сказочно, я столько всего увидела, столько красивых мест промелькнуло мимо. Я думаю, что всё будет хорошо, мы справимся, правда, мам? Моя мама спокойно кивает головой, её улыбка такая нежная и поддерживающая, что мне сразу же становится немного легче. — Да, мы справимся, — говорит она и, бросив на меня ещё один ободряющий взгляд, уходит в своё купе, оставляя меня наедине с моими мыслями. — Эх, — тихо выдыхаю я, наблюдая, как растворяется её силуэт. Чувство неизбежности и лёгкого волнения снова окутывает меня. Я снова поворачиваюсь к окну. За окном проплывают города, деревни, поля. Всё такое незнакомое, чужое. Поезд замедляет ход. Вдали виднеются высотки Москвы. Сердце начинает биться чаще. Страх и волнение

смешиваются в груди. Я сжимаю наушники в руке и шепчу: «Ну что ж, Москва... встречай». Я не знаю, что меня ждёт. Но я чувствую — это будет что-то важное. Что-то, что изменит всё. Москва. Мы приехали. Я ступаю на перрон, и меня сразу же накрывает волной незнакомого шума, чужого воздуха, чужой суеты. Вокзал огромный, люди снуют туда-сюда, никто не смотрит по сторонам. себя маленькой, потерянной. Максим уже тащит чемоданы к выходу, даже не обернувшись, не проверив, иду ли я. Мама семенит за ним, нервно оглядываясь. — Варя, не отставай! — кричит она.

Я делаю шаг вперёд. Всё начинается заново. Новая школа, новый дом, новая жизнь. Или новый кошмар? Я пока не знаю. Но чувствую, что Москва изменит всё. Я надеюсь, что в лучшую сторону. Я оглядываюсь вокруг. Огромное здание вокзала сверкает стеклом и металлом. Люди спешат, никто не обращает на меня внимания. себя невидимкой. Максим уже загружает чемоданы в такси, мама машет мне рукой, чтобы я поторопилась. Я делаю глубокий вдох и иду к ним. Чувство неизбежности снова окутывает меня, но где-то глубоко внутри теплится маленькая искорка надежды. Может быть, здесь я наконец найду то, что ищу. Может быть, здесь я стану счастливой.

Глава 2: Незнакомец с балкона и первая встреча
Москва встретила меня шумом, суетой и незнакомыми запахами. Когда мы заехали в новостройку, я почувствовала себя маленькой песчинкой в огромном

городе. Лифт поднимался на тринадцатый этаж, и я сжимала лямку рюкзака так сильно, что пальцы побелели. Мама улыбалась, Максим был сосредоточен на телефоне, а я просто смотрела на цифры этажей, которые мелькали перед глазами. Квартира пахла свежим ремонтом — краской, обоями, чем-то новым и чужим. Я прошла по коридору, заглянула в гостиную, на кухню, а потом остановилась перед дверью, которая вела в мою комнату. Сердце забилось быстрее, когда я толкнула её. Моя комната оказалась светлой и просторной. Стены были выкрашены в нежно-голубой цвет, а пол укрывал тёплый ламинат. У окна стояла кровать с белым постельным бельём, рядом — небольшой письменный стол и стул. В углу я заметила новый шкаф, ещё пустой. Я провела рукой по стене и улыбнулась. Это была моя комната. Моя первая настоящая комната в Москве. Я посмотрела в окно — вид открывался на соседние дома, серые высотки, которые уходили в небо. И вдруг я почувствовала, что здесь можно начать всё заново. Или хотя бы попытаться. Я уже успела переодеться: на мне серая юбка, белые носки и мои любимые белые кроссовки. Сверху — белоснежное поло с коротким рукавом, а поверх него — синяя джинсовка, которая добавляет образу немного дерзости. Я подошла к зеркалу и поправила волосы, разглядывая себя. Вроде бы

обычная девочка, но внутри всё дрожало от волнения. Новая школа, новые люди... Я боялась, что снова буду чужой, как это было в Волгограде. Моя комната в новостройке, номер сто девяносто девять, на тринадцатом этаже. У мамы и Максима своя комната, а у меня – эта, уютная, хоть и пока ещё непривычная. Балкон. Он манит меня своим стеклянным ограждением. Я выхожу на него, достаю телефон и начинаю фотографировать всё вокруг: высокие здания, проезжающие машины, кусочек неба над головой. Просто для себя, чтобы запечатлеть этот первый московский день. Ветер слегка треплет мои волосы, и я вдруг чувствую себя свободной. Пусть на мгновение, но свободной. Здесь никто меня не знает. Здесь я могу быть кем угодно. Мой взгляд скользит по окнам соседнего дома. И тут... Словно из ниоткуда, на балконе напротив появляется парень. Без футболки. Его тело... ну, он явно занимается спортом.

099Мне становится любопытно, и, не подумав ни о чём, на автомате я делаю снимок. Просто так, ради интереса. Я смотрю на фото на экране и краснею. Господи, зачем я это сделала? Надеюсь, он не заметил. Но, конечно же, он заметил. Потому что в этот момент он смотрит прямо на меня. Я быстро прячу телефон в карман и делаю вид, что рассматриваю облака. Внутри всё переворачивается от стыда. щёки горят, и надеюсь, что он не увидел моего смущения. В этот мо-

мент за спиной слышится голос Максима, немного строгий, но при этом спокойный: — Ну, ты собираешься? В школу свою новую опаздываешь же. Я вздрагиваю, убираю телефон в карман и быстро оборачиваюсь. Он стоит в дверях, скрестив руки на груди, и смотрит на меня с лёгкой усмешкой. От него пахнет дорогим одеколоном и утренним кофе. Я отвожу взгляд и стараюсь улыбнуться. — Да, идём, — откликаюсь я. Максим уже выходит на улицу, его BMW X5 ждёт во дворе. Я спускаюсь вниз, иду по улице, до школы решив немного прогуляться, пока Максим машину прогревает. Гуляя, я пытаюсь привыкнуть к новым звукам и запахам. Здесь всё иначе: воздух более сухим, а запахи — более резкими. Я прохожу мимо старых деревьев, мимо припаркованных машин, мимо людей, которые куда-то спешат. И тут... Вдруг, прямо у мусорки, на земле, вижу небольшую картонную коробку. Из неё раздаётся тоненький, тихий шорох. — Тихое шевеление, — еле слышно доносится до меня. Я подхожу ближе. Внутри маленькое, трясущееся чудо. кролик. Он дрожит всем телом, его глаза смотрят на меня с такой мольбой, что сердце разрывается на части. Я опускаюсь на корточки и протягиваю руку. Он осторожно нюхает мои пальцы, а потом трётся о них своей крошечной головой. — Бедный, кто тебя тут оставил... — шепчу я, ощущая, как моё сердце сжимается от жалости. Он такой крошечный, такой беззащитный. Хочется сразу же его обнять, забрать, согреть. Я вижу, как он дрожит, и понимаю, что если оставлю его здесь, он может не вы-

жить. Я уже собираюсь отойти за морковку, чтобы хотя бы поморковкуить его, и тут мой взгляд натывается на кого-то. Какой-то парень. Высокий, около ста семидесяти семи сантиметров, худой, но при этом мускулистый. Его руки и ноги худые, но заметно накачаны, плечи широкие, спина крепкая. Шея тонкая, с выраженным кадыком. Лицо... Боже, он невероятно красив. Просто как с обложки журнала. Худое, с чёткими чертами, обрамлённое густыми чёрными волосами. Глаза... тонут в глубине, невозможно оторваться.

Он одет в серые спортивные штаны, белые кроссовки и чёрный свитер. Походка уверенная, лёгкая, даже немного надменная. В одной руке он держит поводок, к которому привязан огромный, величественный доберман по имени Цирбер. А в другой руке... В другой руке он несёт ту самую коробку. Мою коробку. С кроликом. Он просто идёт мимо, даже не взглянув на меня. Доберман подходит и начинает обнюхивать мою руку, виляя хвостом. Я замираю, глядя на парня. Он явно не собирается останавливаться. Но я не могу позволить ему уйти с кроликом. Внутри меня что-то щёлкает, и я бросаюсь за ним. — Эй, эй, эй, стой, стой! — меня словно пронзает током, и я, не раздумывая, бросаюсь за ним. Парень оборачивается, его лицо выражает удивление, а брови приподнимаются в вопросительном жесте. — Чего? — сухо спрашивает он, но в глазах мелькает любопытство. — Там кролик! — выпаливаю я, указывая на коробку. Он смотрит на меня, затем на коробку, и на его губах появляется едва

заметная ухмылка. — Я знаю, — отвечает он. — Ты думаешь, я коробки таскаю просто так? — Нет, ну... — я запинаясь, не зная, как сформулировать свою мысль. — Отдай. Зачем тебе он? На это он смотрит на меня с абсолютно серьёзным лицом, и что-то в его взгляде заставляет меня напрячься. — На мясо пушу, — заявляет он, и в голосе нет ни капли шутки. Меня словно окатывает ледяной водой. внутри всё холодеет. Неужели он серьёзно? Но в его глазах я вижу насмешку. Он просто играет со мной. — Шутишь?... — почти шепчу я, а потом, собравшись с духом, повышаю голос. — Не трогай его! Он вновь ухмыляется, и в его глазах появляется насмешка. — Не переживай, шучу. Я его себе заберу. Не трону. Я его увидел, пожалел и решил забрать. Фух. Облегчение. Но я всё равно чувствую, что он играет со мной. Я перевожу дыхание и пытаюсь успокоиться. Но внутри всё ещё кипит злость. — Слышь, — говорю я, пытаюсь быть максимально уверенной. — Отдай!

Внезапно он хватается меня за руку, не сильно, но достаточно крепко, чтобы я не смогла вырваться. Его взгляд становится пронзительным. его пальцы на своём запястье и понимаю, что он не шутит. Он пытается меня запугать. — Боишься меня? — спрашивает он, наклоняясь немного ближе. Я фыркаю, стараясь выглядеть как можно более бесстрашно, хотя внутри немного подрагиваю. Я поднимаю подбородок и смотрю ему прямо в глаза. — Тебя? Такое пугало, прям не могу! — говорю я с усмешкой и подколом, мой голос зву-

чит чуть более колко, чем я ожидала. Его губы тонкой линией вытягиваются в улыбке. Зловещей. Он явно наслаждается этим моментом. — Следующий раз, если будешь со мной так откровенна, то я тебя... — Что? Ну? — перебиваю я, ощущая прилив адреналина. — Принцесса, я буду думать, что ты меня преследуешь как настоящий сталкер, — говорит он, его взгляд скользит по мне сверху вниз. — Я видел, как ты меня сегодня сфоткала в комнате через балкон. Мы же соседи. Мои щёки вспыхивают. Я в мыслях думаю: он это видел! Вот дура...!! Внутри всё переворачивается от стыда и неловкости. земля уходит из-под ног. И тут же, чтобы скрыть неловкость, я огрызнулась ему: — Какая я тебе принцесса? Малыш, за языком следи, — выплёвываю я, пытаюсь восстановить равновесие. — За языком следить надо лишь тебе и так же за руками, чтобы больше не фоткала меня, — усмешливо сказал он, отпуская меня. Он уходит, наслаждаясь этим. — Сделаешь что-нибудь с кроликом, тебе крышка! — кричу ему вслед, но он уже не оборачивается. Парень просто идёт, его доберман мирно трусит рядом, а коробка с кроликом бережно покоится в его руке. Он уходит, оставляя меня стоять на месте, злой, смущённой и всё ещё немного взволнованной. Я стою на месте, всё ещё немного ошарашенная произошедшим, и наблюдаю за удаляющейся фигурой парня. Злость и какое-то странное беспокойство бурлят во мне. Он что, правда этого кролика забрал? И он видел, как я его фоткала? Вот это да... Мои щёки всё ещё горят. Ну и наглец!

Но ведь он сказал, что пожалел кролика, значит, не отдаст его на... нет, даже думать об этом не хочу.

Я нервно поправляю лямку рюкзака и, собравшись с мыслями, направляюсь к машине, где меня уже ждёт Максим. Его BMW X5 блесит на солнце, а сам Максим, пребывает в хорошем настроении. Я открываю пассажирскую дверь и сажусь на мягкое кожаное сиденье. Внутри машины пахнет чем-то мужским, свежим, немного дорогим. Максим сразу же трогается с места, и мы начинаем путь к моей новой школе. Он поглядывает на меня в зеркало заднего вида, его взгляд холодный и оценивающий. — Ну что, Варя, как тебе Москва? — спрашивает он с лёгкой усмешкой. — Небось, уже нашла себе приключений? Ты же у нас девочка бойкая. Я молчу, чувствуя, как внутри всё сжимается. Я знаю этот тон — он всегда так говорит, когда хочет меня задеть. — Я просто шла в школу, — отвечаю я сухо. — Ага, просто шла, — усмехается он. — Я видел, ты с каким-то парнем разговаривала. С доберманом. Это кто такой? Уже успела познакомиться? — Просто сосед, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Он подобрал кролика, я хотела его забрать. — кролика, — тянет Максим с насмешкой. — Конечно. Только переехали, а ты уже с каким-то хулиганом знакомишься. Я тебя сюда не для того привёз, чтобы ты шлялась по помойкам и знакомилась с местной шпаной. Ты должна учиться, а не... — Я и учусь, — перебиваю я, сдерживая гнев. — Ты сам сказал, что я должна хорошо закон-

чить школу. — Вот и занимайся учебой, — отрезает он. — А не ищи приключений на свою голову. Парни эти... они тебе не нужны. Поверь, я знаю, что говорю. Ты ещё маленькая, чтобы думать о таком. Я сжимаю кулаки, но молчу. Я знаю, что если начну спорить, будет только хуже. Он любит маму, это правда. Но меня он просто терпит. И я чувствую это каждый день. — И вообще, — продолжает Максим, его голос становится жёстче. — Мы с твоей матерью не для того в Москву переехали, чтобы ты тут всяких парней искала. Ты должна думать о будущем, а не о каких-то уличных собаках. — Это была не собака, — тихо говорю я, смотря в окно. — Какая разница? — отмахивается он. — Хулиганы все одинаковые. И если я узнаю, что ты с кем-то встречаешься, я тебя запру дома. Поняла?

Я ничего не отвечаю. Я просто смотрю в окно и считаю секунды до того момента, когда смогу выйти из машины. Я знаю, что он не шутит. Он способен на это. Он уже запирает меня дома, когда я была младше, за то, что я якобы плохо себя вела. Мама тогда ничего не сказала. Она просто смотрела и молчала. внутри закипает злость, но я сдерживаю её. Я не хочу давать ему повод для новых упрёков. Мы подъезжаем к зданию школы. Оно выглядит довольно современно, много стекла и металла. Максим паркуется, и я уже собираюсь выйти, как он останавливает меня. — Стой, — говорит он, а затем достаёт из своего портмоне несколько купюр. В его руке оказывается одна, довольно крупная банкнота. —

На, возьми. Я удивлённо смотрю на него. В руке у него пять тысяч рублей. Это много. Очень много. — Спасибо, — тихо говорю я, но он не даёт мне время забрать деньги. — И ещё, — продолжает Максим, его взгляд становится чуть более серьёзным. — Раньше девяти домой не приходи. Мои брови вопросительно ползут вверх. Что? Раньше девяти не приходите? Это довольно поздно. — В смысле? — спрашиваю я, пытаюсь понять причину такого необычного запрета. Максим смотрит на меня с лёгкой улыбкой, в которой читается что-то вроде извинения. — Просто у нас дома будут коллеги, — начинает он объяснять, стараясь говорить максимально деликатно. — Хочу новоселье отметить. Тебе, думаю, будет неинтересно со взрослыми? Ах, вот оно что. Новоселье. Ну, в целом, он прав. Толпа незнакомых взрослых, их разговоры — это действительно не то, чего бы я хотела после первого дня в новой школе. — Хорошо, — говорю я, и теперь уже действительно беру деньги из его руки. Купюра слегка хрустит. — Спасибо. Я открываю дверь машины, выхожу на улицу. Шум города сразу же обволакивает меня. Максим машет мне рукой, и я отвечаю ему кивком, закрывая дверь машины. Разворачиваюсь и направляюсь к входу в школу. В моей голове целый ворох мыслей: и новый наглый сосед, и исчезнувший кролик, и вот теперь это новоселье. Но сейчас главное — школа. Новая школа. Чувствую себя одной. Совсем одной.

Глава 3: Первый день в десятом классе Я стою пе-

ред зданием школы и чувствую, как внутри всё сжимается от страха. Оно огромное — современное, стеклянное, с высокими колоннами и широкими ступенями, которые кажутся бесконечными. Я поднимаю голову и смотрю на вывеску: "Московская городская школа № 12". Где-то на втором этаже мелькают фигуры учеников, слышен смех и гул голосов. Сердце бьётся где-то в горле. Я делаю глубокий вдох и шагнула внутрь. Холодный воздух кондиционеров обдаёт лицо, смешиваясь с запахами краски, бумаги и дешёвого школьного шампуня. Внутри всё дрожит. Коридоры огромные, светлые, с высокими потолками и белыми стенами, на которых висят плакаты с правилами поведения, графики дежурств и объявления о кружках. Везде снуют подростки — кто-то смеётся, кто-то спорит, кто-то просто стоит у стены, уткнувшись в телефон. Их голоса гудят, как пчелиный рой. Кажется, тут все друг друга знают, и это ощущение ещё сильнее подчёркивает мою абсолютную чужеродность. Я чувствую, как на меня смотрят, как шепчутся за спиной. Я — новенькая, и это заметно по моей неуверенной походке, по тому, как я сжимаю лямку рюкзака и стараюсь не смотреть никому в глаза. Мне что все видят мой страх, все знают, что я здесь чужая. Я опускаю голову и иду быстрее, надеясь, что никто не заметит, как дрожат мои руки. Недолго поплутав по ла-

биринтам коридоров, я нахожу лестницу. Металлические ступени гулко отзываются под ногами. Я поднимаюсь на третий этаж, и здесь становится тише — видимо, старшие классы. Воздух пахнет деревом и старыми книгами. Я иду по коридору, рассматривая таблички на дверях: «321», «323», «325». Моя — «327». Я останавливаюсь перед дверью и слышу шум за ней — звонкие голоса, смех, стук парт. Мне хочется развернуться и убежать. Но я знаю, что нельзя. Надо войти. Надо показать, что я не боюсь. Я сжимаю ручку двери, чувствуя холод металла под пальцами, и делаю шаг вперёд. Медленно открываю дверь и заглядываю внутрь. Там уже сидят девочки и мальчики, их головы склонены над тетрадами или повёрнуты к учительнице, которая стоит у доски. Класс большой, светлый, с огромными окнами, выходящими во двор. Парты расставлены рядами, на доске написано число и тема урока. В классе довольно шумно, но как только я появляюсь, голоса стихают, и все взгляды устремляются на меня. щёки начинают гореть. Внутри всё дрожит. Я делаю шаг вперёд и стараюсь улыбнуться, но улыбка выходит натянутой и неуверенной. Я они лица — любопытные, настороженные, равнодушные. Кто-то улыбается, кто-то откровенно рассматривает меня. А кто-то просто смотрит в телефон, не обращая на меня внимания. себя маленькой и беззащитной, как тот

кролик у мусорки. Мне хочется провалиться сквозь землю. Учительница, пожилая женщина с добрым лицом, улыбается и обращается к классу. На ней строгий тёмно-синий костюм и очки в тонкой оправе. Её голос мягкий, но уверенный.

— Ребята, у нас новая ученица. Сейчас она расскажет о себе. Я надеюсь, вы все с ней подружитесь, покажете ей всё тут, она в Москве у нас впервые. А ты, надеюсь, Варечка, найдёшь себе новых друзей. Начинай. Учительница снова улыбается мне, её глаза светятся добротой и надеждой. Я чувствую, как в груди отпускает — хоть кто-то здесь рад меня видеть. Я делаю шаг вперёд и пытаюсь улыбнуться в ответ. Я робко шагаю вперёд, подхожу к доске. Доска пахнет мелом и чем-то старым, привычным. Затем, подойдя вплотную, я поворачиваюсь лицом к ребятам. Делаю глубокий вдох, стараясь выглядеть уверенно, хотя внутри всё дрожит. Я они лица — любопытные, настороженные, равнодушные. Кто-то улыбается, кто-то откровенно рассматривает меня. А кто-то просто смотрит в телефон, не обращая на меня внимания. Я сглатываю и начинаю говорить. — Всем привет, — говорю я, и мой голос, звучит немного тише, чем я хотела. — Меня зовут Варя Булатова. И я из Волгограда. Не успеваю я договорить, как дверь класса резко открывается, и в проёме появляются два парня. Они оба выглядят довольно непринуждённо. Один из них, худой, с рыжими волосами, одет в серую футболку с коротким рукавом, синие джинсы и белые крос-

совки. Это Саша. А вот тот, что рядом с ним... Моё сердце делает какой-то странный кульбит. Это он. Тот самый наглый парень с кроликом, которого я фоткала сегодня утром на балконе. Он уже успел переодеться. Теперь на нём белая футболка с длинным рукавом, серые спортивные штаны, те же белые кроссовки. Он выглядит точно так же чертовски привлекательно, как и утром. Внутри всё переворачивается. Он здесь. Он учится в моём классе. Это что, шутка? Я смотрю на него, и он смотрит на меня. В его глазах мелькает искра узнавания. Он тоже меня узнал. Чёрт. — Здравствуйте, извините за опоздание, — говорит Саша, его голос звучит немного поспешно. Он взъерошивает свои рыжие волосы и улыбается учительнице, явно пытаясь обезоружить её своей улыбкой. У него это получается — учительница едва заметно улыбается в ответ. Парень, которого я уже успела мысленно окрестить «тем самым», просто произносит: — Здравствуйте. Его голос низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Он даже не выглядит виноватым за опоздание. Наоборот, он ведёт себя так, будто здесь всё решает он. Я отвожу взгляд и смотрю в пол. Учительница, не сильно удивлена их появлением, но её взгляд останавливается на одном из них. — Артём, — говорит она, её голос звучит с лёгкой ноткой укоризны. — Почему одет не по форме? Ты же знаешь правила школы.

Саша тут же вступает за своего друга, совершенно не смущаясь. Он подходит ближе к учительнице и начинает жестиковать, изображая искреннее возмущение. — Как

это Артём не по форме? Вот смотрите, какие у него мышцы и бицепсы видны даже через одежду! — Саша говорит это с такой невинной серьёзностью, что весь класс тут же взрывается смехом. Я слышу, как кто-то смеётся в голос, кто-то хихикает, а кто-то даже свистит. — Ахахах, — эхом разносится по классу. Учительница, слегка улыбается уголком губ, но тут же возвращает серьёзное выражение лица. — Садитесь, — говорит она, но в голосе уже нет прежней строгости. Саша проходит к своей парте, а вот Артём... Он идёт прямо мимо меня. И, словно невзначай, толкает меня плечом. Его взгляд встречается с моим. В его глазах мелькает какая-то искринка, едва заметная насмешка. Он проходит дальше и садится к Саше за парту. сердце начинает биться быстрее. Что это было? Он что, специально? Я смотрю на него, но он уже отвернулся и что-то говорит Саше. Я чувствую, как щёки снова начинают гореть, и отвожу взгляд. Учительница снова обращается к Артёму, пытаюсь сохранить строгость: — Артём, одет не по форме, в таком виде не допустят. Завтра школьный устав ты знаешь. В следующий раз я вызову твоих родителей. Артём, совсем не смущён. Он прикладывает руку к виску, изображая воинское приветствие, и улыбается самой обаятельной улыбкой, которую я когда-либо видела. — Так точно! — громко и отчётливо произносит он. Весь класс снова взрывается смехом. Я слышу, как девочки хихикают, а мальчики улюлюкают. Саша и Артём дают друг другу кулачок об кулачок, тихонько смеясь. Их беззаботность просто

поражает. Я смотрю на них и не понимаю: они что, всегда такие? Неужели им ничего не страшно? Неужели они не боятся быть смешными? себя такой скованной рядом с ними. Они живут легко, а я — как будто несу на плечах тяжесть всего мира. Учительница, уже немного устала от их выходов, но старается не терять самообладание. — Варя, продолжай. Я снова делаю вдох. Ладно, попробую ещё раз. Я смотрю на ребят в классе и чувствую, как они ждут, что я скажу что-то интересное. Но я не знаю, что сказать. Я просто хочу, чтобы это закончилось.

— Меня зовут Варя Булатова, — повторяю я, но на этот раз чуть громче. И тут... Вдруг, у кого-то из ребят на телефоне начинает играть музыка. Рэп. Громко. Звук разносится по классу, и все головы поворачиваются к источнику звука. Мальчик в очках, сидящий где-то на среднем ряду, испуганно хватается телефон и пытается выключить звук, но у него не получается. Песня продолжает играть на полную громкость. Весь класс снова взрывается смехом. Невозможно удержаться от улыбки. Даже я чувствую, как уголки губ дёргаются. Но я стараюсь сохранить серьёзное лицо. — Ахахахаха, — слышится отовсюду. Мальчик в очках, сидящий где-то на среднем ряду, испуганно хватается телефон. — Извините, мне мама позвонила... — мямлит он, краснея. Его щёки становятся пунцовыми, и он прячет телефон в рюкзак, стараясь не смотреть ни на кого. Учительница, уже на грани: — Так, Смирнов! Нормальную мелодию ставь на телефон, и вообще на

уроке телефон должен быть выключен! Если я ещё раз услышу твой телефон, я отправлю тебя к директору. Саша тут же вставляет свой колкий комментарий, обращаясь ко всему классу, но глядя на Артёма: — Ну, у ботана свои плюсы... Хаха! — Он смеётся, глядя на Артёма. Очкарик, не выдерживает. Его глаза наполняются слезами. Я вижу, как он смаргивает и отворачивается к окну, чтобы никто не увидел его слёз. — Заплакал. Со словами мама сказала так лучше будет! — бормочет он, прикрывая лицо руками. Я смотрю на это и чувствую себя неловко. Мне хочется подойти к нему и сказать, что всё будет хорошо. Но я не решаюсь. Я здесь чужая. Я не знаю, как здесь всё устроено. Я уже почти потеряла нить своих мыслей, но всё же решаю дать ещё одну попытку. — Меня зовут Варя, и я новенькая... — начинаю я. Тут из глубины класса снова раздаётся голос Артёма, того самого парня. Он специально перебивает меня, и я слышу, как он встаёт и подходит ближе к доске, явно намереваясь устроить шоу.

— А это Саша! — объявляет он, указывая на своего друга с театральным жестом. — И он алкоголик! Ну и так же великий боксёр! Весь класс снова взрывается смехом. Не просто смеются, а откровенно ржут. — Ахахах, ахахах! Саша, совершенно не обижаясь, встаёт и кланяется, как настоящий артист. — Я знаю, я такой! — заявляет он с гордостью. Все снова смеются. — Хахаа! Всё, с меня хватит. Моё терпение лопается. внутри закипает злость. Я смотрю прямо на Артё-

ма, и у меня больше нет сил сдерживаться. — Да ты достал! — почти выкрикиваю я, глядя прямо на Артёма. — Дай закончить мне! Артём смотрит на меня, его губы растягиваются в ехидной улыбке. Он явно наслаждается реакцией. Я вижу, как он приподнимает бровь и складывает руки на груди. — Могу тебе помочь, если сама не можешь, — произносит он, и в его голосе слышится неприкрытый подкол. Класс снова воет. Я слышу, как кто-то свистит, кто-то кричит «Ого!», а кто-то просто смеётся. — Ууу... Хаха! — доносится со всех сторон. Учительница наконец берёт ситуацию в свои руки, повышая голос до такой степени, что звон стекла в окнах, дрожит: — Стоп! Тихо всем! Варя, давай! мои щёки горят, а внутри всё негодует. Да что тут вообще происходит? После такого цирка я уже ничего не могу сказать. Я смотрю на учительницу, и мне хочется просто убежать отсюда. Но я не могу. Я должна закончить. — А что, — говорю я, глядя на учительницу и стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. — У меня всё на этом. Спасибо. Я отворачиваюсь от доски, чувствуя на себе все взгляды в классе, и прохожу к единственной свободной парте, которая находится где-то в середине класса. Сажусь, стараюсь выглядеть как ни в чём не бывало. Но внутри всё кипит. Я зла на этого

Артёма. Он специально всё это делает? Или он просто такой со всеми? Я не знаю. Но я чувствую, что он заметил меня. И это пугает и притягивает одновременно. Урок начинается. Прошло почти два часа мучительного урока. Мои мыс-

ли всё ещё кружились вокруг утренних событий и этого наглого Артёма. Тем не менее, как бы там ни было, сосредоточиться приходилось на задании, которое не сильно отличалось от того, что давали в Волгограде. Учительница что-то объясняла про алгебру, но я почти не слушала. Я смотрела в окно и думала о том, как всё странно устроено. Я приехала в новый город, в новую школу, надеясь начать всё заново. А вместо этого встретила того же самого наглого парня, который теперь учится со мной в одном классе. Судьба? Случайность? Я не знала. Но чувствовала, что это не просто так. Я смотрела в окно и видела, как за стеклом проплывают облака. Где-то вдалеке виднелись высотки Москвы. Город казался огромным и чужим. Но внутри меня теплилась маленькая надежда. Может быть, здесь я смогу стать счастливой. Может быть, здесь я найду своё место. Но сначала нужно пережить этот день. Этот странный, трудный день. Когда прозвонел спасительный звонок, я, ощущая лёгкий голод, направилась в школьную столовую. Внутри уже царил обычный школьный гам — звон посуды, гул голосов, запах еды. Я искала глазами, где бы взять свой обед, и тут, словно издеваясь над моим желанием покоя, я увидела их. Артём и Саша. Они шли по проходу, увлечённо беседуя, а я невольно прислушалась к их разговору. Они стояли у раздачи и обсуждали свои планы на выходные. Я слышала каждое слово. — Слушай, Артём, — начал Саша, его голос был довольно громким. — Я тут присмотрел себе новый кроссовочный магазин на Твер-

ской, там завоз новой коллекции на следующей неделе. Хочешь со мной сходить? Там, говорят, лимитированная серия «Jordans» будет, ты ж такие любишь. Артём хмыкнул, слегка пожав плечами. Его походка была такой же уверенной, как и утром. — Ну, «Jordans» — это святое, — отреагировал он, его голос был низким, чуть хрипловатым. — Но меня сейчас больше интересует этот новый streetwear-бутик на Арбате. Я там видел офигенную худи, чёрную, с крутым принтом. Думаю, она идеально впишется в мой гардероб. И у тебя там наверняка что-нибудь найдётся, знаю я твой вкус. Может, сначала туда двинем, а потом уже на Тверскую? За двумя зайцами сразу. Саша одобрительно кивнул. Его глаза загорелись, и он хлопнул Артёма по плечу. — Отличная идея, чувак. Сначала за худи, потом за кроссами. Главное, чтобы деньги были, а то знаешь, какие там цены на лимитки. Они продолжали что-то обсуждать о брендах, ценах и модных трендах, пока я, тем временем, брала себе порцию макарон с котлетой и чай. Я смотрела на них и чувствовала, как они живут легко и свободно. У них есть друзья, у них есть деньги, у них есть уверенность. А у меня — только страх и надежда на лучшее.

Как раз в этот момент, когда я уже держала поднос, они проходили мимо. Я надеялась, что они не заметят меня. Но, конечно же, они заметили. Мой взгляд невольно скользнул в их сторону, и совершенно случайно, или нет, взгляд Артёма тоже устремился на меня. Наши глаза встретились. На целую минуту, пока он проходил мимо, они были прикованы друг

к другу. Я не могла отвести взгляд. Я смотрела в его глаза, и они смотрели на меня. В его глазах читалось что-то неуловимое — то ли насмешка, то ли просто любопытство, то ли что-то ещё, что я не могла понять. Я не отводила глаз, пока его фигура не скрылась из виду. Мне казалось, что в этот момент мир замер, а потом снова закружился, как карусель. Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание, и поспешно отвела взгляд. Когда они наконец ушли, я, словно выйдя из транса, отвела взгляд, ощущая лёгкий румянец на щеках и какое-то странное ощущение внутри. Задумалась над этим моментом. Почему он так смотрел? Что это было? Я взяла свой поднос и направилась к свободному столику, подальше от всех. Села и начала кушать. Макароны были на удивление вкусными, а чай — тёплым и ароматным. Я смотрела в окно и думала о том, что этот день изменил что-то внутри меня. После того как я поела, я встала и отправилась на оставшиеся уроки, которые, к моему удивлению, прошли намного лучше. Может быть, потому что я перестала себя накручивать, а может, просто остальные учителя были не такими требовательными. Я смотрела на доску, записывала домашнее задание и старалась не думать о парне с тёмными глазами. Но он всё равно был где-то там, на задворках моих мыслей. Когда прозвенел последний звонок, я выдохнула с облегчением. Первый день в новой школе был окончен. Я вышла на улицу, и вечерний воздух Москвы обдал моё лицо. Я стояла на ступеньках школы, смотрела на закат и чувствовала, что

этот день навсегда останется в моей памяти. Не потому что он был лёгким. А потому что он был первым днём моей новой жизни. И потому что я встретила его — того, кто, возможно, изменит всё.

Глава 4: Ловушка Богдана и новые подруги Последний звонок прозвенел, и я выдохнула с облегчением. Первый день в новой школе был окончен. Я вышла на улицу, и вечерний воздух Москвы обдал моё лицо. Я стояла на ступеньках школы, смотрела на закат и чувствовала, что этот день навсегда останется в моей памяти. Не потому что он был лёгким. А потому что он был первым днём моей новой жизни. И потому что я встретила его — того, кто, возможно, изменит всё. Я медленно спускалась по ступенькам, вдыхая прохладный воздух. В голове всё ещё кружились мысли о сегодняшнем дне: о классе, об учителях, о том, как я стояла у доски и чувствовала себя неловко. И, конечно, о нём — о том самом наглom парне с кроликом, который оказался моим одноклассником. Я не знала, что думать об этом. С одной стороны, он меня раздражал. С другой — я не могла перестать думать о его взгляде, о том, как он смотрел на меня в столовой. Это было странно и тревожно. Я уже собиралась свернуть к выходу со школьного двора, когда за моей спиной раздался чей-то голос, и я услышала быстрые шаги. Я обернулась и увидела парня, который бе-

жал ко мне, размахивая руками. — Ты куда? — произнёс кто-то, а затем добавил с лёгким смешком, подходя ближе. — Че ты так реагируешь-то, а? Хаха. Че как тебе первый день в новой школе? Я, кстати, Богдан. Я обернулась и посмотрела на него. Передо мной стоял один из моих одноклассников, тот самый, что смеялся на уроке. Богдан. У него было довольно симпатичное лицо — правильные черты, светлые волосы, аккуратная стрижка. Его улыбка была широкой и открытой, но в глазах я заметила что-то такое, что заставило меня насторожиться. Что-то едва уловимое, почти незаметное, но я почувствовала это сразу. Он казался слишком дружелюбным, слишком внимательным. И это настораживало. — Я уже знаю, хаха, — отвечаю я, пытаюсь улыбнуться в ответ. — В классе учительница на уроках к тебе обращалась трижды. Ты, наверное, её любимчик. Богдан рассмеялся, запрокинув голову. Его смех был громким и заразительным, но в нём слышалась какая-то наигранность. Он явно хотел произвести на меня впечатление, но у меня было странное чувство, что он пытается быть тем, кем не является. — Ну, я стараюсь, — сказал он, подмигивая. — Слушай, я, наверное, должен был представиться раньше, но ты сама понимаешь, первый день — суматоха. Как тебе Москва? Уже освоилась? Я пожала плечами, чувствуя себя немного неловко. — Пока нет. Всё здесь та-

кое... другое. Большое, шумное. Я ещё не привыкла.

Богдан кивнул, будто понимал меня. Его взгляд стал чуть более серьёзным, но улыбка не исчезла. — Ну, это нормально. Москва — это тебе не Волгоград. Но ты привыкнешь, я уверен. Город классный, если знать, где тусоваться. Я не знала, что ответить. Мне всё ещё было неловко, и я хотела поскорее уйти. Но Богдан, казалось, не собирался меня отпускать. — Слушай, — сказал он, понижая голос. — У тебя есть свободное время сейчас? Я хотел бы тебя кое-куда пригласить. Ну, просто погулять, показать тебе Москву. Я знаю крутые места. Могу угостить тебя чем-нибудь вкусным, если не против. Я задумалась. Мой отчим, Максим, сказал мне раньше девяти домой не приходить. А сейчас было только около четырёх. Времени предостаточно. Идея прогуляться по Москве, даже с незнакомцем, звучала довольно заманчиво, тем более что это лучше, чем сидеть дома рядом с пьяными взрослыми, которые будут отмечать новоселье. Я чувствовала, что меня борются две силы: одна хотела пойти, чтобы увидеть новый город, а другая предупреждала меня, что Богдан может быть не тем, кем . — Хорошо. Давай, — говорю я, и сама удивляюсь своей решимости. Я решила рискнуть. В конце концов, что может случиться? Богдан довольно расплылся в улыбке, и я заметила, как его глаза сверкнули. Он явно был рад моему согласию, но в этом было что-то странное. Слишком рад. — Здорово! Классно! Идём! — сказал он, и я почувствовала, как он берёт меня за руку и тянет за

собой. — Я покажу тебе такое место, ты офигеешь! Я и подозревать не могла, что это был план Богдана, нарочно заду-мавшего, чтобы все вокруг подумали, будто я к нему приста-вала и лезла, уговорив его погулять со мной. Моя наивность не позволяла мне представить такой подвох. В тот момент я была просто рада, что кто-то обратил на меня внимание, что кто-то захотел со мной дружить. Я не знала, что за этим сто-ит. Вот мы уже гуляем по Москве. Мы вышли из школьного двора и направились в центр. Город шумел, машины сигнала-лили, люди спешили по своим делам. Я смотрела по сторо-нам и пыталась запомнить каждую деталь: высокие здания, витрины магазинов, уличных музыкантов, играющих на ги-таре. Богдан шёл рядом, рассказывал какие-то истории, сме-ялся, но я не всегда слушала его. Мне было просто интересно смотреть на этот новый мир, открывающийся передо мной. Сначала мы зашли в уютную кафешку, где он угостил ме-ня каким-то вкусным пирожным и лимонадом. Кафе было маленьким, с деревянными столиками и приятной музыкой. Я чувствовала себя немного неловко, но старалась не пода-вать виду. Богдан был внимательным, улыбался, рассказывал о своих любимых местах в Москве. Но внутри меня всё ещё было то странное чувство, что он что-то скрывает.

Потом прошлись по набережной, откуда открывался по-трясающий вид на реку и здания вокруг. Я остановилась у парапета и смотрела на воду. Солнце уже начинало садить-ся, и его лучи отражались в реке, создавая красивые блики.

Москва, хоть и незнакомая, начинала открываться мне с новой, удивительной стороны. Я чувствовала себя почти свободной, почти счастливой. Затем, в конце нашей прогулки, он привёл меня в парк. Мы вошли через старые кованые ворота, и я увидела аллеи, фонари, скамейки и фонтан в центре. Парк казался тихим и уютным, несмотря на то, что в нём было много людей. Когда мы оказались там, он, ни слова не говоря, протянул мне мороженое. Я села на свободную скамейку. Он сам сел рядом со мной, довольно близко. Я почувствовала его плечо рядом и напряглась, но решила не подавать виду. Затем он осторожно приобнял меня, и я немного напряглась, но не стала отстраняться. Мне было неудобно, но я привыкла не обижать людей. Я не хотела показаться грубой или недружелюбной, поэтому просто сидела и смотрела на фонтан. — За твоё пребывание в Москву, в новую школу и за знакомство с этим новым городом, — сказал он, подняв своё мороженое. Он предложил чокнуться, и я увидела, как его глаза блестят в свете фонарей. Я неловко подняла своё мороженое, и мы чокнулись. Затем я откусила кусочек. Мороженое было очень вкусным, ванильным, с хрустящей крошкой. Я ела его, не глядя, и, видимо, совсем неаккуратно. Я была поглощена своими мыслями и не замечала, что происходит вокруг. Когда я отстранила мороженое от губ, Богдан перестал обнимать меня. Я почувствовала, как он смотрит на меня, и подняла глаза. Он улыбался, но в его улыбке было что-то странное. — Блин, — сказал он, нежно потрогав

губы. — У тебя усы теперь, будто, хпхп. Ты такая милая, когда ешь. Я почувствовала, как мои щёки залились краской. Мороженое испачкало мне губы, оставив на них белые следы, похожие на усики. Это было так неловко. Я ощутила, как внутри всё переворачивается от стыда. Мне захотелось провалиться сквозь землю. — Не надо... Я сама, — тихо сказала я, смущённо отдернув его руку, и быстро вытерла губы от мороженого рукой. Мне было не по себе. Я чувствовала себя маленькой и глупой. Зачем я согласилась на эту прогулку? Я хотела, чтобы он просто ушёл. — Я пойду... — произнесла я, поднимаясь со скамейки. Мне захотелось просто исчезнуть. Я быстро пошла прочь, не оборачиваясь. Я слышала, как Богдан что-то кричит мне вслед, но не разбирала слов. Я просто хотела уйти. В этот самый момент, когда я уже немного отошла, я услышала, как Богдан тихонько задаёт вопрос какому-то другу:

— Маркус, снял? А кто-то в ответ, кивнул головой. Я об этом пока ничего не знала и просто продолжала идти, стараясь как можно быстрее покинуть парк. Я чувствовала себя так, будто только что избежала какой-то опасности, хотя сама не понимала почему. Внутри меня закипала злость на саму себя. Зачем я пошла с ним? Почему не послушала внутренний голос? Я сжала кулаки и ускорила шаг. Я покинула парк, ощущая лёгкое напряжение от неловкой ситуации с Богданом, но любопытство взяло верх. Я продолжила гулять по Москве, стараясь впитать в себя каждый новый об-

раз, каждый звук этого огромного города. Проходила мимо витрин магазинов, смотрела на спешащих людей, на красивую архитектуру старых зданий. Я думала о том, что город красивый, но он может быть и опасным, если не знать, кому доверять. Я шла по улице, смотрела на закат, который окрашивал небо в розовые и оранжевые цвета, и думала о том, как странно устроена жизнь. Я приехала в Москву, думая, что начну всё заново, а уже в первый день попала в такую неловкую ситуацию. Мне было обидно и стыдно. Но я решила, что не буду думать об этом. Что было, то прошло. Вдруг меня окликнули. Я обернулась и увидела двух ярких девочек, которые, как я поняла, были из моего класса. Они шли по улице, держась за руки и смеясь. Одна из них была с рыжеватыми волосами и озорным взглядом, а другая — с тёмными волосами и доброй улыбкой. Они выглядели такими счастливыми и беззаботными, что я на мгновение завидовала им. — Привет! — раздался звонкий голос, и я увидела, как они бегут ко мне. — Ты же новенькая, Варя, да? Мы тебя в классе видели! Я улыбнулась им, чувствуя, как внутри становится теплее. — Да, это я, — сказала я неуверенно. — Я Лиза, а это Алёна, — сказала одна из них, с рыжеватыми волосами и озорным взглядом. Её глаза сверкали, а улыбка была такой широкой, что я не могла не улыбнуться в ответ. — Мы подруги, учимся с тобой вместе. Не против подружиться? — Мы видели, как ты гуляешь с Богданом, — добавила Алёна, и её голос стал серьёзнее. — Только ты будь

с ним осторожна, он не очень хороший человек. Мы знаем, о чём говорим. Я моментально улыбнулась. Это то, чего мне так не хватало! Друзья. После всей этой неловкости с Богданом я чувствовала себя такой потерянной. А они стояли передо мной и улыбались, и в их глазах я видела искренность и теплоту. Я почувствовала, как внутри отпускает напряжение, будто кто-то снял с моих плеч тяжёлый груз.

— Ну конечно, не против! — говорю я, и моей улыбкой, освещается всё вокруг. на душе становится легко и свободно. — А что с Богданом? Почему вы говорите, что он не хороший человек? Лиза и Алёна переглянулись, и я заметила, как их лица стали более серьёзными. Алёна взяла меня за руку, и её пальцы были тёплыми и мягкими. — Ну, смотри, — начала Лиза, понижая голос, хотя вокруг никого не было. — Богдан любит делать вид, что он крутой парень. Он часто приглашает новеньких девочек гулять, а потом выставляет их в плохом свете перед всей школой. Мы не знаем, зачем ему это нужно, но он уже так делал. С одной девочкой в прошлом году. Она потом ушла из школы. Алёна кивнула, соглашаясь с подругой. — Да, это правда. Он просто использует людей. Особенно тех, кто не знает местных правил. Мы не хотим, чтобы ты пострадала, как та девочка. Поэтому будь с ним осторожна, хорошо? Я почувствовала, как внутри всё холодеет. Неужели он и правда так поступает? А я поверила ему? Я вспомнила, как он улыбался, как он был внимательным, как он приобнял меня. Всё это казалось таким искрен-

ним. Но теперь я видела, что за его улыбкой что-то скрывается. — Спасибо, что предупредили, — сказала я, чувствуя, как внутри поднимается благодарность. — Я не знала. Он казался таким... нормальным. Лиза усмехнулась, и её глаза сверкнули. — Они все так кажутся сначала, — сказала она с лёгкой горечью. — Но ты запомни: если кто-то слишком старается понравиться, особенно в первый день — это плохой знак. — Ладно, хватит о нём, — сказала Алёна, махнув рукой. — Лучше расскажи, как тебе Москва? Ты уже где-то была? Я задумалась на секунду, а потом начала рассказывать. Я говорила о том, как мы ехали в поезде, как я смотрела на закат, как мы приехали в Москву, как я впервые увидела свою новую комнату. Я рассказывала им о своих страхах и надеждах, о том, как я волновалась перед школой и как всё оказалось не так страшно. Они слушали меня с искренним интересом. Я видела, как Лиза кивает головой, когда я говорю о своих переживаниях, и как Алёна сжимает мою руку, когда я упоминаю о своём отце. Я чувствовала, что они понимают меня. Они не осуждают. Они просто слушают. — У тебя есть родители здесь? — спросила Лиза, когда я закончила рассказывать о переезде.

Я кивнула, но внутри что-то сжалось. — Мама и отчим, — сказала я коротко, не вдаваясь в подробности. — Мы переехали из-за его работы. Но мама, рада. Она давно хотела жить в Москве. Лиза и Алёна переглянулись. Я заметила, как они обменялись быстрыми взглядами, но ничего не сказали.

Они уже всё поняли. Наверное, у них тоже есть свои секреты. — Ну, если что, мы всегда рядом, — сказала Алёна, снова сжимая мою руку. — У нас есть чат. Мы тебя добавим. И если захочешь погулять или просто поговорить — звони, пиши, мы всегда готовы. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Я не ожидала такой поддержки. Я думала, что буду одна в этом огромном городе. А теперь у меня были новые подруги. Те, кто действительно хотел помочь. — Спасибо вам, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Вы даже не представляете, как это для меня важно. Лиза улыбнулась и обняла меня. Я почувствовала, как её руки обхватывают мои плечи, и мне стало тепло и спокойно. — Добро пожаловать в Москву, — сказала она. — Здесь не так страшно, как . Особенно когда есть с кем погулять. Мы стояли на улице, и я смотрела на них. Лиза и Алёна улыбались, и их улыбки были такими искренними, что я чувствовала себя частью чего-то важного. Я поняла, что этот момент навсегда останется в моей памяти. Это был первый раз, когда я почувствовала, что я не одна. Мы тут же разговорились. Лиза и Алёна оказались очень общительными и весёлыми. Мы говорили обо всём на свете: о музыке, о фильмах, о школе, о парнях. Лиза рассказала, что она занимается танцами и мечтает стать хореографом. Алёна сказала, что любит рисовать и уже участвовала в нескольких конкурсах. Я слушала их и удивлялась, как легко и свободно они говорят о своих мечтах. Я тоже хотела рассказать о своих, но мне было трудно. Я

не привыкла говорить о том, что на душе. Но с ними я чувствовала себя спокойно и уверенно. — А ты чем увлекаешься? — спросила Алёна, глядя на меня с любопытством. Я задумалась. Чем я увлекаюсь? Я читаю, пишу стихи, слушаю музыку. Но это как-то... не то. себя такой простой рядом с ними. Они такие яркие, такие живые. — Я люблю читать, — сказала я. — Особенно романы. И ещё я немного пишу. Алёна улыбнулась, и её глаза загорелись.

— Правда? Это круто! Может, покажешь как-нибудь? Я покраснела. Никто никогда не просил меня показать мои записи. Я чувствовала себя неловко, но приятно. — Может быть, — сказала я. — Когда-нибудь. Лиза и Алёна рассмеялись, и я почувствовала, как их смех заражает меня. Я тоже начала смеяться, и в этот момент я поняла, что нашла их. Настоящих друзей. Тех, кто будет рядом, несмотря ни на что. Мы гуляли по Москве, смеялись, делали много фотографий на фоне красивых зданий и памятников. Лиза фотографировала нас на свой телефон, а я смотрела на фотографии и чувствовала, что я красивая, что я счастливая. Мы зашли в уютное кафе, где угостили друг друга всякими вкусностями. Лиза заказала капучино с корицей, Алёна — шоколадный коктейль, а я — просто чай с мятой. Мы сидели за столиком, и я слушала их истории о школе, об учителях, о других учениках. Я узнала, кто есть кто в нашем классе, кто с кем дружит, кто с кем встречается. Я чувствовала себя уже не чужой, а частью этого мира. Потом мы отправились

в парк аттракционов, где катались на каруселях и кричали от восторга. Веселились по полной программе. Лиза кричала громче всех, Алёна смеялась до слёз, а я просто наслаждалась моментом. Я забыла обо всех проблемах, о Богдане, о школе, о Максиме. Я просто была счастлива. А потом, уже ближе к вечеру, мы гуляли по парку и даже танцевали на каком-то аппарате, кто кого перетанцует. Лиза показала несколько танцевальных движений, которые она разучила на тренировках, а Алёна поддержала её. Они уговаривали меня присоединиться, и я, наконец, решилась. Я танцевала вместе с ними, чувствуя, как моё тело двигается в ритме музыки. Я не думала о том, как я выгляжу. Я просто жила. Это было невероятно, я давно так не чувствовала себя свободной и счастливой. Я не помнила, когда в последний раз так искренне смеялась. Я забыла о своих страхах и неуверенности. Здесь, рядом с Лизой и Алёной, я чувствовала себя частью чего-то хорошего. После долгой прогулки я наконец-то оказалась дома. Пришла я не в девять, как просил Максим, а намного позже – в двадцать два часа. Но это стоило того! Я чувствовала себя такой лёгкой и счастливой, что даже не боялась его гнева. Я тут же созвонилась с девчонками по телефону, мы ещё долго болтали, делясь впечатлениями от сегодняшнего дня. Алёна рассказывала о своём новом рисунке, Лиза — о том, как она мечтает поехать в Париж, а я слушала их и чувствовала, что моя жизнь начинает меняться. После этого они добавили меня в групповой чат класса. Я смотрела

на экран телефона и чувствовала, как внутри разрастается тепло. Я была не одна. У меня были друзья. Настоящие друзья. Я чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Глава 5: Заговор молчания и жестокий урок Насту-
пило утро следующего дня, двадцать восьмое число. Я
проснулась от яркого солнечного света, который про-
бивался сквозь неплотно задёрнутые шторы. комна-
та была залита золотистым свечением, и на мгнове-
ние я почувствовала себя почти счастливой. Я потя-
нулась, сладко зевнула и улыбнулась своим мыслям.
Вчера был такой странный день, такой насыщенный,
но он закончился хорошо. У меня появились друзья.
Лиза и Алёна. Они такие весёлые, такие добрые. Они
понимают меня. Я чувствовала, что наконец-то нашла
своё место в этом огромном городе. Я встала с кро-
вати и подошла к окну. За ним раскинулась Москва
— огромная, шумная, чужая, но уже не такая пугаю-
щая. Вчера я видела её впервые, и она казалась мне
враждебной. А сегодня я смотрела на высотки, на про-
езжающие машины, на людей, которые куда-то спе-
шили, и думала: «Я тоже часть этого города. Я то-
же живу здесь». Это было странное, но приятное чув-
ство. Я улыбнулась своему отражению в зеркале, ко-
гда чистила зубы, и даже напевала какую-то мелодию,
которую слышала вчера в кафе. Москва перестава-
ла казаться такой чужой. Я почувствовала, как внут-

ри меня просыпается надежда. Может быть, здесь я действительно смогу начать всё заново. Может быть, здесь я найду своё счастье. Я подошла к окну и посмотрела на соседний дом. Тот самый балкон. Парня там не было. Я почувствовала лёгкое разочарование, но тут же отогнала эту мысль. Зачем мне думать о нём? Он всего лишь наглый сосед, который украл у меня кролика. Я надела синие джинсы и свежее белое поло с коротким рукавом. Сегодня я чувствовала себя увереннее, чем вчера. Я поправила волосы, улыбнулась себе в зеркало и вышла из комнаты. В коридоре пахло кофе и жареным хлебом — мама уже была на кухне. Я зашла на кухню и увидела её сидящей за столом. Она улыбнулась мне, но я заметила, что её улыбка была какой-то натянутой. Она выглядела уставшей, под глазами залегли тени. Я хотела спросить, что случилось, но не решилась. — Доброе утро, Варюш, — сказала она, протягивая мне чашку чая. — Как спалось? — Нормально, — ответила я, садясь за стол. — А ты как? Мама вздохнула и отвела взгляд. Я поняла, что она не хочет говорить. Что-то случилось. Может быть, они с Максимом снова поссорились. Я не стала спрашивать, просто пила чай и смотрела в окно. Внутри меня росло беспокойство, но я не знала, что с этим делать. Максим сидел за столом и читал газету, даже не подняв головы. Он выглядел раздражён-

ным, его брови были нахмурены, а пальцы сжимали край газеты так сильно, что бумага помялась. Он даже не поздоровался со мной. Я взяла рюкзак и вышла, не попрощавшись. Мне не хотелось портить себе настроение перед школой.

Придя в школу, я, как и вчера, направилась в свой класс. Коридоры были полны учеников, их голоса гулко отражались от стен, создавая невероятный шум. Я шла быстро, стараясь не смотреть по сторонам. Внутри меня боролись два чувства: радость от того, что я увижу Лизу и Алёну, и страх, что всё будет как вчера. Но я решила, что не буду думать о плохом. Я сжала лямку рюкзака и ускорила шаг. Увидев одноклассников, я попыталась поздороваться, как обычно. Я подошла к группе девочек, которые стояли у окна, и улыбнулась. Они разговаривали о чём-то и смеялись. Когда я подошла, их голоса стихли. — Привет! – сказала я бодро, глядя на одну из них. Она была с тёмными волосами и ярко-красной помадой. Я надеялась, что она ответит. Она посмотрела на меня, потом отвернулась и начала что-то шептать подруге. Я видела, как её губы шевелятся, но не слышала слов. Я почувствовала, как внутри всё сжимается. Я подошла к другой девочке и попыталась снова: — Привет! – сказала я, надеясь, что она ответит. Но она даже не взглянула на меня. Она просто прошла мимо, как будто я была невидимкой. Я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Что-то было не так. Я оглянулась вокруг и заметила, что все взгляды устремле-

ны на меня. Но никто не говорил ни слова. Я слышала только шёпот и чувствовала на себе прожигающие взгляды. Даже Лиза и Алёна, мои новоиспечённые подруги, отвернулись при моём приближении, делая вид, что меня не существует. Я видела, как Лиза резко отвернулась к окну, делая вид, что рассматривает что-то на улице, а Алёна опустила голову и стала рассматривать свои ногти, будто они были самым интересным зрелищем на свете. Я чувствовала, как внутри всё сжимается от обиды и недоумения. Что я сделала не так? Вчера они были такими добрыми, такими открытыми. А сегодня они даже не смотрели на меня. В классе было тридцать человек, и от каждого я ощущала это отчуждение. В воздухе висело что-то неприятное, как будто кто-то разлил яд, который медленно отравлял всех вокруг. Я слышала шепот, но не могла разобрать слов. Я знала, что они говорят обо мне. Я чувствовала это кожей. Я почувствовала себя выброшенной за борт, как будто меня вычеркнули из сшороха живых. Я не понимала, что происходит. Я не понимала, почему все так странно себя ведут. Я хотела закричать, спросить их, что я сделала не так. Но я не могла. Я просто стояла и смотрела, как они отворачиваются от меня. Я молча села за свободную парту, чувствуя, как внутри всё сжимается от непонятной обиды и недоумения. Мои руки дрожали, и я сжала их в кулаки, положив на колени, чтобы никто не заметил, как мне страшно. Я смотрела на доску, но не видела её. Внутри меня крутились мысли: «Что я сделала? Почему они так со

мной? Я же ничего плохого не делала. Я никому не желала зла. За что они меня ненавидят?» Начался урок. Прозвенел звонок, и ученики начали рассаживаться по своим местам. Я слышала шум стульев, стук парт, чей-то смех. Учительница вошла в класс и

поприветствовала всех, но я почти не слышала её голоса. Я чувствовала на себе взгляды, и они давили на меня, как тяжёлый груз. Я смотрела в окно и старалась не плакать. За стеклом было серое небо, и мне казалось, что оно отражает моё настроение. И тут, прямо перед началом урока, я услышала, как кто-то из ребят тихонько произносит, но достаточно громко, чтобы я услышала: «Дрянь!» Это слово пронзило меня насквозь, как ледяной нож. Дрянь? Почему? Что я сделала? Мои вчерашние подруги, Лиза и Алёна, молчали, их лица были бледными и напряжёнными. Я смотрела на них, надеясь, что они скажут что-то, защитят меня. Но они молчали. Я видела, как Алёна сжала губы и опустила глаза. Она боялась. Я поняла это. Она боялась того же, чего и я. Я чувствовала, как внутри всё рушится. Моя надежда на то, что я найду здесь друзей, рассыпалась в прах. — Доброе утро, класс, — произносит учительница, её голос звучит как обычно. Она даже не заметила, что произошло. Или просто не хотела замечать. Она открыла журнал и начала перекличку, как будто ничего не случилось. Делаю глубокий вдох, пытаюсь подавить нарастающий ком в горле. Мне хочется закричать, заплакать, но я сдерживаюсь. Я не могу показать им, что они

меня сломали. Я не могу позволить им победить. Я сжимаю кулаки под партой и считаю до десяти. Один, два, три... ногти впиваются в ладони, но боль помогает мне сосредоточиться. — Кого нет? — спрашивает учительница, поднимая глаза от журнала. Староста, парень по имени Джейк, тут же отвечает, сверяясь со сшорохом в своём телефоне: — Нету Артёма, Саши и Смирнова. Учительница вздыхает с лёгким раздражением, покачивая головой: — Артём? Ну ясно, опять прогул. Саша, наверное, с ним. А Смирнов... как обычно. Я уже устала с ними бороться. Может быть, я позвоню их родителям. Мои мысли тут же на секунду отвлекаются от собственной беды на этого наглого парня. Прогульщик. Я даже удивилась, что его нет. Но тут же я вспомнила, что он и вчера опоздал. Наверное, он вообще не ходит на уроки. Я хмыкнула про себя, но тут же мой взгляд упал на Алёну, которая сидела в двух рядах от меня. Она всё ещё не поднимала головы. Её плечи дрожали. Она тоже боялась. Но тут учительница продолжает, открывая учебник: — Мы будем разбирать тему литературы сегодня про Пушкина. Открываем тетради и учебники на странице сорок пять. Я надеюсь, что вы прочитали стихотворение, которое я задавала на прошлом уроке.

Я послушно открываю тетрадь, но чувствую себя совершенно потерянной. Что происходит? Почему все так на меня смотрят? Я слышу, как кто-то позади меня тихо смеётся, и этот смех пронзает меня насквозь. Я сжимаю ручку так сильно, что костяшки пальцев белеют. Но я не оборачиваюсь. Я

не хочу давать им повод для насмешек. Я смотрю в тетрадь, но не вижу букв. Я слышу только своё сердце, которое бьётся где-то в ушах. В этот момент Богдан, который сидит где-то позади меня, тихонько со смехом отрезает небольшой кусочек моих волос. Не полностью, а лишь немного, но я чувствую это. У меня длинные волосы, и даже небольшой отрезок ощущается. прядь волос падает на мою руку. Я смотрю на неё и не верю своим глазам. Он это сделал. Он украл часть меня. внутри закипает злость, но я продолжаю молчать. Я не хочу давать ему повод для насмешек. Я не хочу показывать им, что они могут меня задеть. Учительница тем временем открывает доску, чтобы написать тему урока, а там... Прямо надпись: «Варя дрянь»! Надпись была выведена мелом крупными буквами, и её было видно со всех концов класса. Она сияла на доске, как позорное клеймо, как приговор. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри всё переворачивается. Кто-то написал это на доске, пока учительница не видела. Кто-то хотел унижить меня перед всем классом. Кто-то хотел, чтобы я чувствовала себя ничтожеством. Весь класс взрывается смехом — Хахаха! — разносится со всех сторон. Я слышу, как кто-то свистит, кто-то улюлюкает, а кто-то просто хохочет, запрокинув голову. Я чувствую, как мои щёки горят, а сердце бешено колотится. Дрянь? Почему меня так называют? И эти волосы... Я провожу рукой по голове и чувствую, где он отрезал прядь. Волосы стали короче на несколько сантиметров. внутри закипает слеза, но я не позволяю ей вылиться. Я

не хочу, чтобы они видели меня плачущей. Я не хочу давать им этой победы. — Извините, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. — Можно выйти?... Учительница, не замечает надписи на доске или просто решает не обращать на это внимания. Она даже не смотрит в мою сторону. Она продолжает что-то писать мелом, не обращая на меня внимания. — Да, — отвечает она. — Только быстро. Не задерживайся. Я быстро встаю и, не глядя ни на кого, выхожу из класса. Все взгляды прожигают мне спину, когда я иду к двери. Я слышу, как кто-то снова смеётся, и этот смех звучит в моих ушах, как звон колоколов. Я закрываю за собой дверь и бегу в туалет, не обращая внимания на то, что кто-то смотрит мне вслед. В туалете: Я влетаю в туалет, не в кабинку, а просто останавливаюсь у раковин, пытаюсь отдышаться. Слёзы уже наворачиваются на глаза. Я смотрю на себя в зеркало и вижу своё отражение. Взъерошенные волосы, покрасневшие глаза, испуганный взгляд. Кто я? Я не узнаю себя. Что происходит? Почему они так со мной? Я провожу рукой по отрезанным волосам и чувствую, как внутри всё сжимается. Они не просто хотят меня унижить. Они хотят меня уничтожить. — Что происходит? — спрашиваю я саму себя, и голос срысывается на шёпот. — Почему они так со мной? Я же ничего не сделала. Я никому не желала зла. За что они меня ненавидят? Я сжимаю край раковины так сильно, что пальцы белеют. Внутри меня бушует буря. Я чувствую, как злость, обида и страх перемешиваются в одно большое чувство безнадежно-

сти. Я не знаю, что делать. Я не знаю, куда идти. себя загнанной в угол, как тот кролик у мусорки. В этот момент дверь открывается, и в туалет заходит Алёна. Она выглядит очень встревоженной. Её глаза бегают по сторонам, и она прикладывает палец к губам, жестом прося меня молчать. Она оглядывается на дверь, проверяя, не вошёл ли кто-то ещё. Убедившись, что мы одни, она подходит ближе и останавливается рядом со мной. — Чш! – говорит она, прикладывая палец к губам, явно опасаясь, что нас кто-то услышит. – Ты как? Ты в порядке? Я видела, как ты выбежала. Я переживала за тебя. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри всё сжимается от её заботы. Она пришла. Она не бросила меня. на глаза снова наворачиваются слёзы, но я стараюсь сдержать их. Я не хочу, чтобы она видела меня слабой. — Что происходит? – спрашиваю я, моё сердце всё ещё колотится. – Почему меня все избегают? Почему меня называют дрянью? Что я сделала не так? Алёна подходит ближе и начинает быстро, шёпотом объяснять, её глаза бегают по сторонам, как будто она боится, что нас кто-то подслушивает. Её голос дрожит, и я вижу, что она тоже напугана. Она сжимает мою руку, и я чувствую, как её пальцы дрожат. — Кто-то видел, что ты вчера тусовалась с Богданом, — говорит она, её голос срывается на шёпот. — Кто-то сфоткал и выложил в групповой чат... Тебя стали называть дрянью, ведь у Богдана есть девушка Ковалева Лена! Самая плохая и хулиганка, ещё та! Она всем может отомстить, если кто-то посмотрит на её парня не так. Я

не знаю, кто это сделал, но... это было жестоко. Все думают, что ты сама к нему приставала. Что ты охотишься за ним. Я не знаю, как это остановить, но я хочу тебе помочь. Мои глаза расширяются от ужаса и непонимания. Богдан? Девушка? Всё это ложь! Я чувствую, как внутри закипает ярость. Он использовал меня. Он сделал это специально. Он хотел, чтобы все подумали, что я к нему приставала. Он хотел сделать меня изгоем. Я вспомнила его улыбку, его прикосновения, его слова. Всё это было ложью. Он просто хотел унижить меня.

— Тусовалась? В смысле? — я уже еле сдерживаюсь, чтобы не закричать. — Этот придурок сам ко мне подошёл! Он меня позвал погулять, угостил, обнимал, и затем полез мне губы вытирать! Я ушла, и всё! Я не хотела ничего этого. Я даже не знала, что у него есть девушка. Если бы я знала, я бы никогда не пошла с ним. Алёна тяжело вздыхает. Я вижу, как её плечи опускаются, и она выглядит уставшей. Она смотрит на меня с сочувствием, но в её глазах я вижу страх. Она боится того же, чего и я. Она сжимает мою руку и шепчет: — Я верю, — говорит она, но её голос полон безнадёжности. — Я знаю, что ты не виновата. Но если кто-то увидит, что ты со мной общаешься или просто разговариваешь, меня тоже сделают дрянью... Лиза с тобой уже не будет общаться, она не хочет. Она сказала мне, что боится. Я не смогу снова стать изгоем... В другой школе была... Там меня тоже травили. Я знаю, как это больно. Но я не могу пройти через это снова. А

эта Лена, я её боюсь, она очень влиятельная... Я не знаю, что делать. Я хочу тебе помочь, но я боюсь. Я боюсь, что если встану на твою сторону, то меня тоже уничтожат. Не успевает она договорить, как, словно испушись чего-то, Алёна забегает в одну из кабинок и запирается там. Я слышу, как она садится на крышку унитаза и начинает тихо плакать. Я хочу подойти к ней, успокоить её, но я не могу. Я тоже боюсь. Я чувствую, как внутри меня разрастается страх, и я не знаю, как с ним бороться. И тут дверь туалета распахивается, и в проёме появляется высокая, строгая девушка. Она была высокой, с тёмными волосами и холодными, пронзительными глазами. Её взгляд обжигает, а в голосе слышится неприкрытая ярость. Это, очевидно, и есть та самая Лена. Она была одета в чёрную кожаную куртку и выглядела так, будто могла уничтожить любого одним взглядом. За ней стояли две её подруги, которые смотрели на меня с презрением. — Дрянь! — произносит она, подходя ближе, её голос звучит резко и властно. — Вышла, дрянь из Волгограда, да? Ты что, думала, что можешь просто так прийти и украсть моего парня? Ты кто вообще такая, чтобы приближаться к нему? Моё сердце сжимается от обиды и несправедливости. внутри закипает ярость, но я стараюсь держать себя в руках. Я не хочу показывать ей свой страх. Я поднимаю подбородок и смотрю ей прямо в глаза. Я не позволю ей сломать меня. — Он сам ко мне подошёл, — говорю я, стараясь держать себя в руках, хотя внутри всё кипит. — Я не знала, что у него есть девушка.

Он сам меня позвал гулять. Я не хотела ничего плохого. Если бы я знала, что он с тобой, я бы никогда не согласилась. Лена усмехается, её взгляд полон презрения. Она подходит ближе, и я чувствую, как от неё пахнет дешёвыми духами и сигаретами. Она смотрит на меня сверху вниз, и в её взгляде читается всё: презрение, злоба, желание унижить. Её голос становится тише, но от этого ещё более угрожающим.

— Конечно, так я тебе и поверила... Дрянь! — С этими словами она толкает меня. Несильно, но достаточно, чтобы я потеряла равновесие. Я спотыкаюсь и падаю на пол, ударившись коленом о кафедру. Боль пронзает мою ногу, но я не показываю этого. Я сжимаю зубы и поднимаюсь на ноги. Я падаю, но тут же вскакиваю, чувствуя прилив адреналина. Моя собственная гордость не позволяет мне просто так это стерпеть. Я смотрю на неё, и в моих глазах загорается огонь. Я не позволю ей сломать меня. Я сжимаю кулаки и чувствую, как внутри нарастает злость. В ответ я толкаю Лену. Она не ожидала этого и отступает на шаг. Её глаза расширяются от удивления, а затем в них загорается ярость. Она смотрит на меня так, будто я только что объявила ей войну. Её подружки ахнули и сделали шаг назад. В этот самый момент, когда наш небольшой конфликт накаляется, дверь туалета снова открывается, и на пороге появляется учительница. Её глаза расширяются от удивления, когда она видит нас стоящими друг напротив друга. Я замечаю, как она бледнеет, но быстро берёт себя в руки. Она смотрит на нас строгим взглядом.

— Девочки, что у вас происходит? — спрашивает она, её голос звучит строго и властно. — Ну-ка, в класс! Немедленно! Я не потерплю драк в школе. Лена, тоже немного остывает, увидев учительницу. Она отводит взгляд и, бросив на меня последний взгляд, полный ненависти, выходит из туалета. Я смотрю ей вслед и чувствую, как внутри всё дрожит. Я знаю, что это не конец. Она будет мстить мне. Мы обе, молча, идём обратно в класс. все взгляды устремлены на меня, когда я прохожу к своей парте. Садимся за свои парты. Урок идёт дальше, но для меня он уже никогда не будет таким, как раньше. Я смотрю в окно и чувствую, как внутри нарастает пустота. Я знаю, что это только начало. Лена не остановится. Она будет мстить мне. Я сжимаю ручку и пытаюсь сосредоточиться на уроке, но мои мысли далеко. Я смотрю на доску, но не вижу её. Я слышу голос учительницы, но не понимаю слов. Я чувствую, как внутри меня всё сжимается от страха и боли. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как справиться с этим. Я просто смотрю в окно и жду, когда этот день закончится.

глава 6: сделка под дождем наступает следующее утро, двадцать девятое сентября. я просыпаюсь от того, что за окном громко сигналит машина. где-то внизу кто-то громко ругается, хлопает дверью. москва не спит даже ранним утром. я открываю глаза и смотрю в потолок. в голове всё ещё кружатся вчерашние события. я вспоминаю, как лена смотрела на меня, как

шептались одноклассники, как богдан отрезал мои волосы. внутри всё сжимается от страха, но я заставляю себя встать. я подхожу к окну и смотрю на соседний дом. тот самый балкон пуст. я чувствую лёгкое разочарование, но быстро отгоняю эту мысль. сегодня мне нужно быть сильной. я не могу позволить им сломать меня. я глубоко вдыхаю и выдыхаю, стараясь успокоиться. я надеваю жёлтую футболку с длинным рукавом, серую юбку, белые колготки и белые кроссовки. мой обычный образ. я смотрю на себя в зеркало и вижу испуганную девочку, которая пытается казаться храброй. я поправляю волосы и чувствую место, где вчера отрезали прядь. оно немного щиплет. я отвожу руку и выхожу из комнаты. мама уже на кухне, но я не хочу с ней разговаривать. я просто беру рюкзак и выхожу из дома, не позавтракав. с небольшим опасением я иду в школу. каждый шаг даётся мне с трудом. я смотрю на прохожих и думаю о том, как они живут своей жизнью, не зная о моих проблемах. мне что я одна во всём мире борюсь с этой несправедливостью. я вхожу в школьные ворота и чувствую, как внутри всё сжимается. сегодня будет ещё хуже, чем вчера. я знаю это. захожу в класс. и тут меня охватывает странное чувство. класс пуст. совсем. только один парень, староста джейк, сидит за своей партой, уставившись в телефон. он даже не поднимает головы, когда я вхо-

жу. я сажусь на своё место и смотрю на пустые парты. где все? что происходит? я чувствую, как внутри нарастает тревога. я сжимаю ляжку рюкзака и пытаюсь успокоиться. заходит учительница. её взгляд обводит пустые парты, и она выглядит удивлённой. она ставит сумку на стол и смотрит на джейка. — а где все? — спрашивает она, её голос звучит удивлённо. — у нас сегодня урок или я что-то пропустила? яжимаю плечами. я не знаю, что ответить. я чувствую, как внутри нарастает беспокойство. где они? почему они не пришли? что они задумали? — не знаю, — отвечаю я, ощущая нарастающее беспокойство. — я пришла, и здесь никого не было. — а кто знает? — учительница обращается к старосте. — староста, где все?

джейк поднимает голову от телефона, его лицо совершенно спокойно. он даже не убирает телефон, просто смотрит на учительницу с лёгкой усмешкой. — они пошли пить пиво и сигареты курить за школой, — сообщает он, как будто это самая обычная информация. — я слышал, как они обсуждали это утром. учительница, не сразу осознаёт услышанное. а когда до неё доходит, её глаза расширяются от ужаса и возмущения. она хватается за стол, чтобы не упасть. — какое пиво и сигареты?! — восклицает она, и её голос звенит от гнева. — это школа! здесь не место для этого! я сейчас же пойду и вызову их родителей! и тут же, не дожидаясь ответа, стремительно выбегает из класса, направляясь на улицу. я слышу,

как её каблук гулко стучат по коридору. я остаюсь одна с джейком, который снова утыкается в телефон. я чувствую, как внутри меня растёт пустота. они все против меня. даже учителя не могут меня защитить. проходит некоторое время, и я решаю идти в столовую. может быть, там я смогу найти место, где меня не будут трогать. я спускаюсь на первый этаж и вхожу в столовую. внутри уже царит обычный школьный гам — звон посуды, запах еды, гул голосов. но я чувствую, как все взгляды устремлены на меня, когда я захожу. я сижу в столовой одна, в наушниках, которые надеты на уши, но музыка в них не играет. я просто одела их, чтобы никого не слышать, чтобы хоть немного отгородиться от этого мира, который так быстро стал для меня враждебным. я ем суп и пью сок, уткнувшись в телефон, делая вид, что читаю что-то важное. мои руки дрожат, когда я подношу ложку ко рту. и тут я замечаю, как к моему столику приближается группа. богдан, лена и ещё три девочки: арина, маша, эля. у всех в руках телефоны с включёнными камерами. они нацелены на меня, как оружие. я чувствую, как моё сердце начинает биться быстрее. я хочу убежать, но мои ноги словно приросли к полу. я тут же напрягаюсь, чувствуя, как внутри всё холодеет. я сжимаю ложку и смотрю на них. они окружают меня со всех сторон. лена подходит ближе, её глаза сверкают яростью. она наклоняется ко мне и говорит достаточно громко, чтобы все вокруг слышали: — сдала всех нас, — произносит она, её голос полон презрения. — думаешь, у тебя это с рук

сойдёт? ты даже не представляешь, что мы с тобой сделаем. ты пожалеешь, что вообще пришла в эту школу. я молчу, пытаюсь собраться с мыслями, но в голове царит полная неразбериха. я не могу думать. я не могу дышать. я просто смотрю на них и чувствую, как страх парализует меня.

— тебя жизнь совсем ничему не учит? — продолжает лена, склоняясь надо мной. — Ты думала, что можешь просто так увести моего парня? Ты думала, что я это оставлю без внимания? И тут Богдан, совершенно неожиданно, резко срывает с моих ушей наушники. Они падают на пол и с громким хрустом ломаются. Я слышу, как пластик трескается, и этот звук пронзает меня насквозь. Это были мои любимые наушники. Мама подарила их мне на день рождения. — Ты зачем это сделал, придурок?! — выкрикиваю я, вскакивая со стула. Мои глаза наливаются слезами. Эти наушники мне мама подарила. Я хватаю их с пола и вижу, что они сломаны. Внутри меня всё рушится. Лена усмехается, глядя на меня с высокомерием. Она скрещивает руки на груди и смотрит на меня, как на насекомое. — Ну, дрянь общительная, у которой нехватка внимания, — говорит она, делая шаг назад. — Ну давай, поплачь! Хаха, плак-плак! Ты думала, что мы будем с тобой церемониться? — Хватит! — кричу я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Оставьте меня в покое! Я ничего вам не сделала! Лена лишь смеётся. Её смех резкий, пронзительный. — Я не понимаю, тебя плохо дрессировали? — спрашивает она, а затем добавляет: — Дрянь. Может быть, тебя нуж-

но научить, как вести себя в нашем городе? Богдан подходит ко мне вплотную, прижимает меня к столу, его глаза сверлят мои. Я чувствую его дыхание на своём лице, и мне становится дурно. Он смотрит на меня так, будто я его враг. — Ты же хорошая? — спрашивает он, его голос звучит угрожающе. — Отвечай, тебе вопрос задали. Или ты думаешь, что можешь просто так игнорировать нас? паника охватывает меня. Я не могу дышать. Ярость смешивается со страхом. он прижимает меня к столу, и я не могу пошевелиться. — Отвали, урод! — выкрикиваю я, собрав все свои силы, и толкаю Богдана. Он отступает на шаг, ухмыляясь. Я вижу, как он наслаждается этим моментом. — Чшш... — произносит он, а затем достаёт свой телефон, активируя камеру. Он наводит её на меня, и я чувствую, как внутри всё холодеет. Он хочет заснять всё это. Он хочет, чтобы все видели мой позор. И тут, к моему ужасу, он подходит к столу, где сидит другая девочка, Алёна, та самая, что пыталась меня поддержать вчера. У неё на столе стоит миска с Ролтоном. Она смотрит на меня с ужасом, но не может пошевелиться. Она боится.

— Фига себе, ты Ролтон ешь тут? — говорит Богдан Алёне, делая вид, что ему это интересно. — Возьму? — и, не дожидаясь её ответа, он хватает горячий кипяток Ролтона и выливает его прямо мне на голову. Горячая жидкость обжигает кожу, стекает по волосам и лицу. Я вскрикиваю от неожиданности и боли. обжигающий суп стекает по моей шее, и кричу от боли. Я слышу, как кто-то смеётся. слёзы смешивают-

ся с бульоном на моём лице. После чего, не останавливаясь, он хватает холодный лимонад «Дюшес» с соседнего столика и обливает его прямо мне на лицо. Холодная струя липкой жидкости стекает по моему лицу, щиплет глаза. липкая сладость заливает мои волосы и одежду. Я задыхаюсь, кашляю и пытаюсь вытереть лицо руками. — Ну как? — спрашивает он с насмешкой, глядя на меня. — Тебе нравится наш московский приём? Может быть, ты запомнишь этот урок? В этот момент Алёна, та самая, что ела Ролтон, вскрикивает, её голос разносится по всей столовой. Она встаёт и начинает кричать, не в силах больше терпеть: — Не трогайте её!!! — кричит она, в её голосе слышится отчаяние и гнев. — Оставьте её в покое! Она ничего вам не сделала! Лена тут же усмехается, её взгляд полон злорадства. Она смотрит на Алёну с презрением и подходит к ней ближе, скрестив руки на груди. — Ахаха, у нашей дряни появилась ещё одна дрянь? — произносит она, глядя на Алёну. — Ого, как трогательно! Ты тоже хочешь быть изгоем? Ты тоже хочешь, чтобы мы с тобой так же поступили? Она с улыбкой подходит к Алёне, явно собираясь и над ней поиздеваться, но в этот момент в столовую заходит директриса. Она останавливается на пороге и смотрит на нас. Её взгляд суров, и я вижу, как она оценивает ситуацию. Лена тут же меняет выражение лица, становясь невинной и испуганной. Она смотрит на директрису и начинает быстро говорить: — А Алёна пролила еду... — говорит она, указывая на миску с Ролтоном, стараясь перело-

жить вину. — Она просто неаккуратная. Мы ей хотели помочь, но она разозлилась. Богдан, Лена и их компашка, увидев директрису, быстро покидают столовую, оставляя меня и Алёну одних. Я стою, вся мокрая, с липкими волосами и лицом. Алёна подходит ко мне и берёт меня за руку. Её глаза полны слёз и решимости. Она смотрит на меня и говорит:

— Ты моя подруга... — говорит она, её голос дрожит. — Я тебя не кину. Пусть я тоже буду дрянью... Друзья навсегда?... Я смотрю на неё и чувствую, как внутри меня что-то ломается. Она готова пожертвовать собой ради меня. Она готова стать изгоем. Я киваю головой, не в силах говорить. Внутри меня бушует ураган эмоций, но я не могу произнести ни слова. Молча я разворачиваюсь и выхожу из столовой, а затем и из школы. холодный воздух касается моего мокрого лица, и делаю глубокий вдох. В этот момент, когда я выхожу на улицу, я вижу Артёма. Он одет в чёрную худи с капюшоном, который не надет на голову, серые шорты и белые кроссовки. Он стоит у входа в школу, держа в руках бутылку воды. Он видит, как я выхожу, вся злая и расстроенная, и его взгляд останавливается на мне. Он видит мои мокрые волосы, испачканную одежду, мои покрасневшие глаза. — Всё хорошо? — спрашивает он, его голос звучит немного обеспокоенно. Я молча прохожу мимо него, не ответив ни слова, и ухожу. Я не могу говорить. Я не могу смотреть на него. Я просто хочу исчезнуть. Я слышу, как он зовёт меня, но я не оборачиваюсь. Тем временем в школе, когда меня, Вари, уже

не было в здании, учебный процесс продолжался своим чередом. Артём и Саша заходят в класс. Пока в кабинете никого нет, все остальные ребята толпятся в коридоре, бурно и шумно обсуждая произошедшее со мной в столовой. До Артёма долетают обрывки этих грязных сплетен. Он слышит, как кто-то смеётся, обсуждая, как меня облили супом и лимонадом. Артём садится за парту и смотрит на Сашу. Его лицо мрачное. Он сжимает кулаки и чувствует, как внутри закипает злость. Между Сашей и Артёмом завязывается разговор. Артём, нахмурившись, спрашивает, глядя на друга: — А что, новенькая эта, Варя, ушла что ли? Я её видел на улице. Она была вся мокрая. Что там произошло? Саша вздыхает, закидывая рюкзак на парту и садясь рядом. Он смотрит на Артёма серьёзным взглядом: — Да, я слышал... Вот в коридоре эти на неё как гиены накинудись, потому что Лена приревновала своего парня. Богдан, оказывается, специально подставил её. Он позвал её гулять, а сам всё подстроил, чтобы Лена подумала, что Варя к нему лезет. И теперь вся школа против неё. Её облили супом и лимонадом в столовой. Артём кривит губы в отвращении и качает головой. Он смотрит в окно, и его взгляд становится жёстким.

— Мда уж... – говорит он тихо. — Это просто жесть. Они совсем с ума сошли. — Ну ладно, не надо лезть, это их разборки... бабские, – машет рукой Саша, призывая друга не вмешиваться. — Это не наше дело. Они сами разберутся. — Ну не знаю... – задумчиво протягивает Артём. – Я увидел её,

когда заходил в школу... Облитой непонятно чем... Спросил, всё ли хорошо, она ушла. Если бы сказала, может, я помог бы. Она выглядела такой потерянной. Такой одинокой. Саша хлопает его по плечу, пытаясь его отвлечь: — Ладно, сменим тему, вот ща будет химия. Ты же знаешь, что Лена и её компашка — это проблема всей школы. Мы не можем всех спасти. Спустя несколько часов уроки наконец-то прошли. Я всё это время бродила по улицам, не зная, куда идти. На улице начался сильный, холодный осенний дождь. Я, Варя, всё ещё стою на улице возле школы, съёжившись от холода и сырости, не зная, куда мне деться в таком виде. Вода стекает по моему лицу, смешиваясь со слезами. Я дрожу от холода. Моя одежда промокла насквозь. себя такой ничтожной, такой беспомощной. И тут из дверей школы выходит Лена в окружении своих верных подруг — Эли и Арины. Заметив меня, Лена тут же направляется в мою сторону, её лицо искажается злобой. Она улыбается, увидев меня в таком состоянии. Лена начинает нагло и жестоко издеваться надо мной, выплёскивая весь свой яд. Она подходит ближе и говорит, глядя на меня с презрением: — О, смотрите, наша дрянь ещё не ушла! Ты что, ждёшь, когда тебя кто-то спасёт? Никто не придёт, девочка. Ты здесь одна. И ты всегда будешь одна. Я, дрожа от холода, пытаюсь защититься. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри закипает злость. Я не могу позволить ей победить. — Я ничего не делала... Не трогайте меня, а то я... — говорю я, но мой голос дрожит. Лена подходит вплот-

ную, глядя на меня сверху вниз с мерзкой усмешкой. Она смотрит на меня, как на насекомое, которое она собирается раздавить. — Ну что?... Скажи мне? Что ты сделаешь? Позовёшь свою новую подружку? Её здесь нет. Ты совсем одна. Пытаясь спастись и надеясь их напугать, я нарочно вру, зная, что у меня на самом деле нет никакого парня. Я говорю это в отчаянии, не думая о последствиях: — А то я пожалуйюсь своему парню...

Лена на секунду замирает, а затем с издевкой, театрально изображает дикий испуг, прикладывая ладони к щекам. Она смеётся и оборачивается к своим подругам: — Ой, боюсь-боюсь!... Девочки, у неё есть парень... Кто такой? Как зовут? Да кому ты нахрен нужна, такая уродина?! Ты думаешь, что кто-то захочет быть с тобой? Ты никому не нужна. С этими словами она резко протягивает руку, хватая меня за шею и начинает душить, перекрывая мне powietrze. Её глаза наливаются яростью, и она шипит мне прямо в лицо: — Ты думаешь, что можешь просто так уйти? Ты думаешь, что мы тебя отпустим? Ты никто. Ты просто никто. Мне становится трудно дышать, но внутри меня просыпается безумная гордость. Собрав все свои силы, я резко убираю её руку от своего горла и кричу ей прямо в лицо, срывая голос: — Не трогай меня отвали уже ! Делай ты что хочешь! Но отстань от меня целуй кого хочешь я не претендую на твоего Богдана утырка этого уродливого ! Иди и целуй Хоть землю, хоть ноги своему Богдану, который тебе изменяет с каждой пока

ты строишь из себя королеву! Ты — пустое место! Ты просто боишься, что он выберет кого-то другую, потому что ты сама знаешь, что ты никто! Лицо Лены багровеет от ярости. Она со всей силы толкает меня. Я, Варя, теряю равновесие и падаю на мокрую, грязную от дождя землю. вода заливает мою одежду, как грязь прилипает к моему лицу. Я слышу, как она смеётся надо мной. Лена брезгливо отряхивает руки и холодно цедит своим подругам, глядя на меня сверху вниз: — Девочки, она ваша... — И отходит на пару шагов назад, скрестив руки на груди. Арина и Эля тут же подступают ко мне и начинают безжалостно пинать меня, лежащую на земле. их удары приходятся по моим рёбрам, по моим ногам. Я лишь сжимаюсь в комок, пытаюсь защитить голову руками. Я закрываю глаза и готовлюсь к самому худшему. Вода и грязь смешиваются на моём лице. И тут сквозь пелену дождя раздаётся громкий, властный мужской голос, который пререзает шум дождя и их смех: — А ну отвалили от неё все!! Это Артём. Он уже успел переодеться после работы и школы: теперь на нём серые спортивные штаны, белые кроссовки и серая худи. Он быстро подходит к нам, его лицо выражает крайнюю степень злости. Он сжимает кулаки, и я вижу, как его глаза

сверкают яростью. Он подбегает к нам и отталкивает девочек, которые испуганно отступают. — мне! — жёстко приказывает он, глядя на девчонок. — Быстро! Одна из девочек дрожащей рукой протягивает ему . Артём берёт её и, не об-

ращая внимания на них, наклоняется ко мне. Лена, растеряв всю свою спесь, испуганно лепечет, глядя на Артёма широко открытыми глазами: — Артём?... А ты что тут делаешь?... Это не твоё дело! Она сама виновата! Девочки тут же перестают меня пинать и испуганно пятятся назад, прижимаясь к стене. Артём подходит ко мне, бережно берёт меня за руку и помогает подняться с грязной земли. Он начинает аккуратно вытирать грязь с моего лица и одежды своей, не говоря ни слова. Его движения осторожные, но уверенные. Он смотрит на меня и говорит тихо: — Ты как? Всё нормально? Сейчас я разберусь. Затем он поворачивается к Лене и протягивает руку, его голос становится ледяным: — Телефон. Лена начинает дрожать, понимая, чем это грозит. Её лицо становится бледным, и она начинает заикаться: — Пожалуйста, не надо... Я отдам... Просто не надо... Артём молча и требовательно ждёт. Его взгляд не оставляет ей выбора. Она дрожащими руками протягивает ему свой мобильник. Артём быстро блокирует экран, находит видео с сегодняшними издевательствами в столовой и на улице и безвозвратно удаляет его. Он смотрит на неё в упор. — Ещё раз увижу рядом с ней... убью, — тихо, но чертовски убедительно произносит он и небрежно швыряет телефон обратно прямо в руки Лене. Она ловит его дрожащими руками. Затем он делает шаг вперёд, возвышаясь над ними, и его голос становится громче: — Теперь все дружно перед ней извинились. Арина и Эля, испуганно переглядываясь, быстро бормочут, глядя в пол: —

Извини, Варя... Ты не так всё поняла... Мы не хотели... Это всё Лена. Артём переводит свой тяжёлый, холодный взгляд на их предводительницу:

— Теперь ты, Лена. Лена, стиснув зубы от унижения, выдавливает из себя, не поднимая глаз: — Прости, Булатова. — Нет, так не пойдёт, давай ещё раз, – качает головой Артём, явно недовольный её тоном. — Чтобы я слышал искренность. — Прости меня, Булатова... – повторяет она чуть громче, с нотками слёз в голосе. Артём смотрит на неё, и в его глазах читается презрение. Он делает шаг вперёд и говорит: — Запомни этот день, Лена. Ты больше никогда не посмеешь подойти к ней. Иди. Лена, не говоря ни слова, разворачивается и убегает вместе с подругами, не оглядываясь. Артём поворачивается ко мне и помогает мне встать. Я смотрю на него и чувствую, как внутри меня что-то меняется. Он спас меня. Спустя два часа сильный осенний дождь наконец-то прошёл. Улицы всё ещё были мокрыми, но воздух стал свежим и чистым. Я сидела на скамейке около аптеки, свернувшись в комочек, вся в синяках и ссадинах. Тело болело, но ещё сильнее болела душа. Уныние и безысходность давили тяжёлым грузом. В этот момент дверь аптеки открылась, и из неё вышел Артём. В руках у него был небольшой пакет. Он подошёл ко мне, его лицо было серьёзным, но в глазах читалась какая-то забота. Он сел рядом со мной и посмотрел на меня. — На, держи, – сказал он, протягивая мне пакет. Внутри лежали несколько плиток шоколада, упаковка

пластырей и пузырёк с йодом. Я, Варя, подняла на него глаза и слабо улыбнулась. Я чувствовала себя такой разбитой, но его забота согревала меня. — Спасибо, — тихо произнесла я. — Дома поем. Я не хочу, чтобы ты тратил на меня деньги. — Не говори глупостей, — сказал он. — Ты сейчас нуждаешься в помощи. Я взяла пакет и осторожно положила шоколадки в карман своей куртки. Артём присел рядом со мной на скамейку, открыл йод и пластыри. Аккуратно, с какой-то неожиданной нежностью, он начал обрабатывать мои раны и синяки. Сначала нанёс йод, затем легонько подул, чтобы не так сильно щипало, и после этого приклеил пластыри на самые заметные ссадины. Его прикосновения были осторожными, и это было так непривычно и приятно. Я чувствовала его тепло, и мне становилось легче.

Я посмотрела на него, и в моём голосе послышалась искренняя благодарность: — Спасибо, что ты спас меня от них... Если бы не ты, я не знаю, что бы они со мной сделали. Артём закончил обрабатывать последнюю рану, закрыл йод и, подняв на меня глаза, произнёс, его взгляд был пронзительным: — Будешь должна. Сходишь со мной в одно место, будто мы пара будем притворяться два года парой. Два года, потому что целых два года ты будешь делать всё, что я скажу. Тогда ты будешь в безопасности. А куда мы с тобой пойдём? Место будет танцевальное. Там ресторан и хорошие места, где можно потанцевать. Сказал, приду с девушкой, так что не опаздывай. До вечера. Я, Варя, сидела, ошарашен-

ная. Два года? Притворяться? Это было слишком. Я не могла поверить своим ушам. Вся благодарность тут же улетучилась, сменившись возмущением. Я вскочила со скамейки и выкрикнула: — Пошёл ты, блин! — выкрикнула я, не сдержавшись. — Я не соглашалась!... Ты не имеешь права так со мной поступать! Ты не лучше их! Артём спокойно смотрел на меня, не двигаясь. Он подождал, пока я выкричусь, и сказал: — Соглашайся или нет, — спокойно сказал он, — но ты видела, что они с тобой делают? Без меня тебя просто размажут. Лена сожрёт тебя. А я предлагаю тебе защиту. Ты думаешь, что сможешь справиться одна? Ты видела, что они делают? Они убьют тебя, если я не вмешаюсь. — Защиту за притворство? — возмущаюсь я. — Это шантаж! Ты используешь мою слабость! — Называй как хочешь, — пожимает он плечами. — Но без меня тебя просто размажут. Я не прошу ничего нереального. Просто будь рядом, когда нужно. И делай мои домашние задания. Это не такая уж большая цена за твою безопасность. — Домашние задания?! — вскакиваю я. — Ты ещё и учиться за тебя должна?! Я не собираюсь быть твоей рабыней! — Не должна, а будешь, — спокойно говорит он. — Это часть сделки. Но я обещаю, что тебя больше никто не тронет. Никто. Ни в школе, ни на улице. Идёт? Тебе нечего терять. А я предлагаю тебе целый мир. Я смотрю на него, пытаюсь понять, серьёзно ли он. В его глазах — ни тени шуток. Он действительно предлагает мне единственный путь к безопасности. внутри меня борются гордость и страх.

Я хочу отказаться, но я не могу.

— А если я откажусь? — тихо спрашиваю я, чувствуя, как голос срывается на шёпот. — Откажешься — ты снова останешься одна. С ними. И в следующий раз они тебя не просто побьют. Я видел, что они могут, Варя. Ты не справишься без меня. Я опускаю взгляд. Он прав. Вся эта травля, унижения, насилие — я не выдержу этого снова. Внутри меня всё сжимается. Но в его словах есть надежда. — Ладно... — шепчу я. — Но я делаю только уроки. И только по тем предметам, которые знаю. И ничего больше. И только пока я учусь в этой школе. Артём улыбается, и на этот раз его улыбка теплее. В его глазах появляется что-то новое, что-то, чего я раньше не видела. — Договорились. Завтра в восемь утра пойдём в школу вместе. И помни: теперь ты под моей защитой. Никто тебя не тронет. Но тут же, вспомнив все ужасы, которые произошли со мной за эти два дня, всю ту травлю и унижения, я поняла, что у меня просто нет другого выбора. Я беспомощно опустила взгляд. — Но ладно... Я вынуждена согласиться... — тихо добавила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от безысходности. Артём лишь посмеялся, его глаза сверкнули весельем. Он встал и посмотрел на меня сверху вниз. — И да, завтра в восемь утра пойдём в школу вместе. Не опаздывай. Я буду ждать тебя у подъезда. С этими словами он встал, бросив на меня ещё один взгляд, и ушёл. Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Я не знаю, что это будет, но я знаю, что я не одна.

Наступил вечер. Ровно в двадцать часов. Я, Варя, стояла у входа в ресторан, куда назначил встречу Артём. На мне было красивое чёрное платье. Оно было не слишком вычурным, но элегантным, идеально сидело на моей худощавой фигуре и подчёркивало мои бледные, почти золотые волосы. Я нервничала, поправляя подол. Я чувствовала себя неловко и неуверенно. И тут я увидела его. Артём. Он выглядел просто потрясающе. На нём был красивый чёрный костюм: чёрные брюки, идеально сидящая чёрная рубашка, а сверху – стильный пиджак. Он выглядел как настоящая модель, совсем не как тот наглый парень, который обливал меня водой и ломал наушники. Он подошёл ко мне, и его взгляд скользнул по мне, на его губах появилась лёгкая, одобрительная улыбка.

— Привет, – сказал он, протягивая мне руку. — Ты выглядишь потрясающе. Я знал, что чёрное тебе идёт. Я неловко ответила на его приветствие, и мы вошли в ресторан. Внутри было очень красиво: приглушённый свет, живая музыка, столики с белыми скатертями. Он выбрал столик в уютном уголке, и мы сели напротив друг друга. Я чувствовала, как все взгляды устремлены на нас, но Артём, казалось, не обращал на это внимания. Мы поели, болтали о всяких мелочах, стараясь выглядеть как настоящая пара перед всеми. Мы даже смеялись над его шутками, хотя внутри меня всё ещё сидело напряжение. Я старалась запомнить его слова, его жесты, чтобы в школе играть роль его девушки максимально убедительно. А затем пришло время танцев. Он встал, про-

тянул мне руку. В его глазах сверкнул озорной огонёк. — Пойдём? — спросил он. — Ты обещала мне танец. Я кивнула, взяла его за руку, и мы вышли на танцпол. Звучала красивая, медленная музыка. Это был вальс. Артём умело вёл меня, и я, несмотря на свою неловкость, старалась не отставать. Мы кружились в вальсе вместе со всеми остальными парами, и на секунду мне показалось, что это не притворство, а что-то настоящее. Его рука лежала на моей талии, его взгляд был направлен на меня, и в этот момент я почувствовала себя... почти в безопасности. Наверное, это и была та самая «безопасность», о которой он говорил. Я чувствовала, как его дыхание касается моей щеки. Я чувствовала, как его рука крепко держит меня.

Глава 7: Искры правды и лесная идиллия Наступило утро, тридцатое сентября. Я проснулась раньше будильника. В голове всё ещё кружились события вчерашнего вечера: ресторан, вальс, его глаза, смотревшие на меня так, будто я была единственным человеком в мире. Я перевернулась на спину и уставилась в потолок, пытаясь осознать, что произошло. Я, Варя Булатова, вчера танцевала с самым красивым парнем в школе. И он смотрел на меня так, будто я была ему небезразлична. Но ведь это просто игра? Просто сделка? Я запуталась. Школа. лёгкое волнение. Сегодня я еду в школу с Артёмом. Сегодня мы начинаем нашу «игру». Я открываю шкаф и долго смотрю на вещи,

не зная, что выбрать. Хочется выглядеть красиво, но так, чтобы это не было заметно. Я выбираю чёрную футболку с коротким рукавом, сверху – серая кофта, застёгнутая наполовину, белые джинсы и красные кроссовки. Смотрю в зеркало и поправляю волосы. Внутри всё дрожит от предвкушения и страха. Я спускаюсь вниз и вижу чёрную Ferrari. Артём стоит у машины, облокотившись на дверцу. На нём жёлтое худы, чёрные джинсы и белые кроссовки. Он улыбается, когда видит меня, и открывает дверцу. — Привет, принцесса, — говорит он с лёгкой усмешкой. — Готова к нашему первому совместному школьному дню? Я закатываю глаза, но внутри всё переворачивается от его улыбки. — Не называй меня так, — говорю я, садясь в машину. — Мы же договорились, это просто игра. — Конечно, — отвечает он, но в его глазах я вижу что-то другое. — Просто игра. Мы подъезжаем к школе на его чёрной Ferrari. Машина выглядит просто шикарно, привлекает всеобщее внимание. Мы выходим из машины, и тут же на нас устремляются десятки взглядов. Все достают телефоны, начинают фотографировать, шептаться. — Дряннь Варя с Артёмом... — доносится до меня. Эти слова, на этот раз, не ранят так сильно, как вчера. Я стискиваю зубы, но иду с высоко поднятой головой, рядом с Артёмом. его руку на своей талии, и это придаёт мне сил. Мы входим в школу, и

он ведёт меня прямо на третий этаж, в класс. Проходим по коридорам, и я чувствую, как взгляды следуют за нами. Но теперь в них не только презрение, но и зависть. Я смотрю на Артёма, и он подмигивает мне. Проходят дни. Моя жизнь в школе постепенно меняется. Я больше не чувствую себя изгоем. Конечно, не все приняли меня, но теперь у меня есть защита. И это чувство безопасности стоит дорогого.

Саша и Алёна, к моему удивлению и радости, подружились. Они стали не просто друзьями, а понравились друг другу по-настоящему. Я видела, как они смотрели друг на друга на переменах, как улыбались, когда их взгляды встречались. И вот, у нас образовалась настоящая компания: Саша, Алёна, Артём и я, Варя. Алёна преобразилась. Она стала такой уверенной в себе, одевается теперь очень красиво, ходит уверенная, учится на отлично. Она не прогуливает уроки, не матерится, не курит, не пьёт. Из тихой и испуганной девочки она превратилась в добрую, нормальную, совершенно не хулиганистую девушку. Она стала выглядеть намного красивее. Я видела, как она улыбается, когда Саша подходит к ней, и как она краснеет, когда он смотрит на неё. Саша тоже изменился. Он одевается красиво, стал уверенным в себе, умным, неглупым. Он дружит теперь только с Артёмом, со мной и, конечно, с Алёной. Алёна стала дружить только со мной, Сашей и Артёмом. Мы стали настоящей командой. Между Алёной и Сашей возникло что-то большее, чем

дружба. Они влюбились друг в друга. Мы с Артёмом быстро поняли это, наблюдая за ними. Я видела, как они смотрели друг на друга, как их руки случайно соприкасались. И вот, однажды, они поцеловались. И стали встречаться. У них всё очень серьёзно, это видно по их взглядам, по их прикосновениям. Мы с Артёмом были искренне рады за них. А между мной и Артёмом тоже происходило что-то странное. Каждый день после школы я приходила к нему делать уроки. Сначала это было просто формальностью — я сидела за столом и писала, а он лежал на диване и листал телефон. Но постепенно мы начинали разговаривать, спорить, смеяться. Я начала замечать, что он смотрит на меня дольше, чем нужно, и что его улыбка становится теплее. Однажды, когда я сидела над учебником по литературе, он подошёл сзади и заглянул через плечо. Я чувствовала его дыхание на своей шее, и внутри всё переворачивалось. — Что там у тебя? — спросил он, и его голос был низким, тёплым. — «Гордость и предубеждение», — ответила я, не оборачиваясь, боясь, что он увидит моё смущение. — О, это тот роман, где богатый надменный парень влюбляется в бедную девушку? Я улыбнулась. Он запомнил. Он запомнил, что я говорила об этой книге. — Примерно. Ты читал? — спросила я, надеясь, что он скажет «да». — Нет, — честно признался он. — Но ты мне рассказывала. Помню, ты говорила, что Дарси боялся признаться в чувствах. Я тогда подумал, что он похож на меня. Не умеет говорить о том, что чувствует.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от его слов. — Да. Он казался холодным и высокомерным, но на самом деле просто боялся быть отвергнутым. Он не умел показывать свои чувства. Он боялся, что его не поймут. Артём сел рядом, слишком близко. Я чувствовала его колено рядом со своим, и моё сердце билось быстрее. — А ты умеешь? — спросил он, глядя мне в глаза. Я подняла на него глаза и почувствовала, как он смотрит на меня так, будто видит что-то, чего не видят другие. — Что? — спросила я, хотя знала, что он имеет в виду. — Показывать свои чувства. Ты всегда такая сдержанная, будто боишься, что кто-то увидит твою слабость. Будто ты прячешься за стеной, которую построила сама. Я отвела взгляд, чувствуя, как его слова задевают меня за живое. — Может быть. А ты? Ты всегда такой уверенный, но я вижу, что ты тоже что-то скрываешь. Что ты боишься. Он усмехнулся, и в его глазах мелькнула тень боли. — Я тоже не умею. Поэтому и понимаю Дарси. И тебя. Мы все боимся того, что нас не примут такими, какие мы есть. В этот момент между нами повисла тишина. Я чувствовала его дыхание, его тепло. Он протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. Его пальцы задержались на моей щеке, и я почувствовала, как его прикосновение обжигает мою кожу. — Варя... — начал он, и его голос был хриплым. — Не надо, — сказала я шёпотом, хотя внутри хотела, чтобы он продолжил. — Это просто сделка. Не забывай. Он убрал руку, и я увидела, как его глаза потемнели. — Сделка, — повторил

он, и в его голосе послышалась горечь. — Ладно. Играем по правилам. Но в следующий раз, когда я пришла к нему, он уже ждал меня с чашкой горячего шоколада. Он протянул её мне, и его пальцы коснулись моих. — Это чтобы ты не замёрзла, — сказал он, протягивая чашку. Я взяла её и почувствовала, как тепло разливается по моим рукам.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Ты всегда такой заботливый? Или только со мной? Мы сели на кухне, и он достал книгу. Я узнала её — это была «Гордость и предубеждение». — Я начал читать ту самую «Гордость и предубеждение», — сказал он, и я увидела, как его глаза заблестели. Я удивилась. Он действительно читает? Он делает это ради меня? — Правда? И как тебе? — спросила я, стараясь не показывать своего волнения. — Сложно, — признался он. — Но я понял кое-что. Дарси изменился ради Элизабет. Он переступил через свою гордость. А Элизабет — через свои предубеждения. Они оба рискнули. Они оба поверили друг в друга. Я посмотрела на него. В его глазах было что-то такое, что заставило моё сердце биться быстрее. — Ты думаешь, это возможно в реальной жизни? — спросила я, чувствуя, как внутри меня растёт надежда. — Не знаю, — ответил он. — Но я хотел бы попробовать. С тобой. Я замерла. Внутри меня всё перевернулось. Он серьёзно? Или это часть игры? — Артём, мы же договорились... — начала я. — Я знаю, — сказал он, и его голос стал тихим, почти шёпотом. — Но я не могу притворяться, что ничего не чувствую. Ты мне нравишься,

Варя. И это не часть сделки. Я не знаю, когда это случилось, но я понял, что хочу быть с тобой не понарошку. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но он приложил палец к моим губам. Я почувствовала его прикосновение, и внутри всё сжалось от нежности. — Тихо. Не отвечай сейчас. Просто знай. Подумай. Я подожду. Прошло ещё несколько дней. Артём перестал просить меня делать уроки. Вместо этого мы просто сидели вместе, смотрели фильмы, гуляли с Цирбером и кроликом. Я начала замечать, что он смотрит на меня по-другому — мягче, теплее. И я сама чувствовала, как между нами проскальзывают искры, как воздух вокруг нас становится электрическим. Однажды вечером мы стояли на его балконе, смотрели на закат, и он вдруг взял меня за руку. Я чувствовала его пальцы, переплетённые с моими, и мне казалось, что это самое естественное чувство в мире.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал он и достал из кармана сухой кленовый лист. На нём было написано: «Спасибо, что ты есть». Я смотрела на лист и чувствовала, как внутри меня что-то тает. — Это тебе, — сказал он. — За то, что ты согласилась на эту сделку. И за то, что осталась. За то, что ты есть в моей жизни. Я смотрела на лист, и на глаза наворачивались слёзы. — Артём... я не знаю, что сказать, — прошептала я. — Ничего не говори, — сказал он. — Просто будь рядом. Это всё, что мне нужно. Прошло время. Наступило десятое октября. Сегодня я одета в синий свитер, синие джинсы и белые кроссовки. Артём, как всегда, выглядит

непринуждённо стильно: красная футболка оверсайз с длинными рукавами, серые спортивные штаны и белые кроссовки. Мы идём в школу вместе, и я чувствую, как его рука лежит на моей талии. В школе сегодня произошло нечто, что навсегда изменило отношение к нам. Артём, увидев Богдана, не стал церемониться. Он сильно избил его, заставив извиняться передо мной. Это произошло внезапно, стремительно. Я даже не успела ничего понять, как Богдан уже лежал на полу, а Артём стоял над ним, его лицо было каменным. Я видела, как его кулаки сжимаются, и слышала, как он дышит тяжело и гневно. После этого Артём быстро подошёл ко мне, а затем толкнул Богдана к моим ногам. Сам Артём встал рядом, неотрывно глядя на то, что сейчас произойдёт, его взгляд был непреклонен. Богдан, весь помятый и испуганный, с трудом поднял голову, его глаза были полны мольбы. — Прости меня... — прохрипел он, глядя на меня. — Варя, если сможешь. Я не должен был так издеваться... Я был дураком. Просто прости меня, пожалуйста. Я смотрела на него, на его жалкий вид, и в моём сердце не осталось никакой злобы. Вся та боль и обида, что были в моей душе, словно испарились, увидев его таким. Я просто кивнула головой. Я простила. Не потому что он этого заслуживал. А потому что я не хотела носить в себе эту тяжесть. Я хотела быть свободной. Он, еле передвигая ноги, встал и, не поднимая глаз, быстро ушёл. Артём стоял рядом со мной, ничего не говоря, но я чувствовала его поддержку. Эта ситуация показала всем,

что со мной нельзя шутить и что за мной стоит Артём. Мой «ненастоящий» парень, который на самом деле стал моим самым настоящим защитником. Наступил следующий день, одиннадцатое октября.

Утром, перед началом уроков, Артём неожиданно позвал меня прогулять школу. Я, к своему собственному удивлению, согласилась. Что-то во мне изменилось после всего, что произошло. Возможно, это была жажда свободы или просто доверие к Артёму. А может быть, я просто хотела побыть с ним наедине. Я была одета в синие джинсы, белые кроссовки и голубую кофточку. Артём, как всегда, выглядел стильно: чёрная футболка с длинным рукавом, синие джинсы и красные кроссовки. Я села к нему в машину, он сел за руль, и мы тронулись. Он отвёз меня в очень красивый лес. Там была невероятная красота. Огромные, высокие деревья, шелестящие листьями, создавали ощущение покоя и уединения. Мы шли по тропинке, и я чувствовала, как его рука касается моей. В самой глубокой чаще леса мы нашли небольшой, изящный мостик, переброшенный через ручей, и чуть поодаль – тихое, спокойное карьерное озеро. Мы любовались природой, наблюдали за чайками, которые величественно кружили над водой. Было так тихо и спокойно, что я смогла по-настоящему расслабиться и забыть обо всех школьных проблемах. Мы сфотографировались вместе, много снимков, в обнимку, смеясь и дурачась. Артём тут же выложил их в социальные сети, как и подобает «паре», которая, становится всё более

настоящей. Я смотрела на его профиль и видела, как он выбрал самое красивое наше фото и подписал: «Моя». Внутри меня всё перевернулось. В один момент, когда мы стояли на мостике, любуясь закатом, Артём повернулся ко мне. Его взгляд был серьёзным, но в то же время нежным. И тут... он меня поцеловал. Это был долгий, очень долгий поцелуй. Он углубился в него, и я, сначала немного опешившая, тут же ответила ему. Три минуты. Мне казалось, что время остановилось. Мои губы были влажными от его поцелуя, а в груди разливалось какое-то необыкновенное тепло. Он медленно отстранился, его глаза были прикрыты, а затем он посмотрел на меня. Я, Варя, была в шоке. Это был мой первый поцелуй. От него. — Ты украл мой первый поцелуй... — тихо произнесла я, всё ещё ощущая вкус его губ на своих. — Я не ожидала... Артём лишь улыбнулся, его глаза сверкнули. Он снова поцеловал меня, но уже короче, не так глубоко, словно пробуя на вкус. — Теперь второй... — прошептал он, и в его голосе слышалась игривая нотка. Я, Варя, посмеялась. На моём лице расцвела широкая улыбка. Я обняла его, прижимаясь к нему, и тихонько сказала: — Спасибо... За этот день. За то, что ты есть.

После этого мы отправились в кафешку. Мы сидели там, ели что-то вкусное, болтали. Затем мы катались на метро, просто так, ради интереса, глядя на проносящиеся пейзажи. Гуляли по парку, уже по другому, не по тому, где произошёл инцидент с Богданом. Этот день был одним из са-

мых счастливых в моей жизни. Я чувствовала, что с каждым мгновением я всё больше влюбляюсь в него. Наступил следующий день, двенадцатое октября. Школа. Урок литературы. Тема — «Гордость и предубеждение», произведение Джейн Остин. Учительница рассказывала о главных героях, Дарси и Элизабет, об их сложных отношениях, их гордости и предубеждениях. И тут, в классе, Артём, который сидел рядом со мной, вдруг начал громко высказывать своё мнение. Я удивилась — обычно он молчал на уроках. — Я вообще не понимаю этого Дарси, — уверенно заявил он, привлекая внимание всего класса. — Он такой самоуверенный, такой высокомерный. Как Элизабет вообще могла его полюбить? Он же не умеет говорить о чувствах. Я слушала его, и тут что-то внутри меня заставило меня ответить. Я, Варя, не могла пройти мимо. — Нет, ты не прав, Артём, — говорю я, поворачиваясь к нему и чувствуя, как внутри загорается огонь. — Дарси не высокомерный, он просто... он просто очень закрытый человек, он боится быть непонятым. Он заботится о своей сестре, он помогает людям, он просто не умеет показывать свои чувства. И Элизабет... она смогла увидеть за его гордостью его истинную сущность. Она увидела его доброе сердце. Она не судила по первому впечатлению. Артём усмехнулся, его глаза заблестели. Я видела, что он заинтригован. — Ну, знаешь ли, Варя, — говорит он, — если человек не умеет показывать свои чувства, это его проблемы. От этого страдают другие люди. И его эта «гордость» — это всего

лишь маска, за которой он прячет свою неуверенность. — Это не неуверенность, — возражаю я, чувствуя, как загораюсь. — Это воспитание! Он из другого общества, у него другие правила. А Элизабет — она сильная, она умная, она не боится быть собой. И именно поэтому они подходят друг другу. Она смогла сломать его стереотипы, а он смог увидеть в ней не просто девушку из низшего сословия, а личность. Он изменился ради неё. Артём качнул головой, но я видела, что он слушает меня внимательно. — Я думаю, что это всё романтика. В реальной жизни такие люди редко сходятся. Гордость разбивает отношения, а предубеждения мешают видеть правду. Это просто красивая сказка.

— Нет! — почти выкрикиваю я, увлечённая спором. — Это не романтика. Это о том, что нужно уметь видеть истинную суть человека, не судить по первому впечатлению. И о том, что настоящая любовь может преодолеть любые преграды, даже гордость и предубеждения! Она увидела его настоящего, а он увидел её настоящую. И они рискнули. Класс замирает, наблюдая за нашим спором. Учительница, довольна тем, что мы так активно обсуждаем произведение. Я слышала, как кто-то шепчет: «Ого, они правда спорят». — Я считаю, что Дарси был слишком зациклен на своём статусе, — продолжает Артём, не сдаваясь. — Он не видел дальше своего носа. А Элизабет... она просто не могла смириться с его высокомерием. Это была битва двух эго. — Это не битва эго, — говорю я, решительно отрицая его слова. — Это битва за

понимание. За то, чтобы разрушить стены, которые строят люди между собой. Дарси изменился ради Элизабет, а Элизабет научилась принимать его таким, какой он есть. Это и есть настоящая любовь, Артём. Это не игра, это риск. Артём смотрит на меня, его взгляд становится мягче. На его губах появляется лёгкая, едва заметная улыбка. Он смотрит на меня так, будто видит что-то новое. — Ну, может быть, — произносит он, и в его голосе слышится какая-то особая интонация. — Может быть, ты права. Может быть, иногда стоит рискнуть. Наступило двенадцатое октября. Вечер. Артём пригласил меня к себе домой. Я, немного волнуясь, поднялась на нужный этаж. Когда он открыл дверь, меня тут же окутал тёплый, приятный аромат. В квартире было уютно, хотя и чувствовался какой-то мужской, немного небрежный стиль. Мы пошли на кухню. — Я приготовил пиццу, и пельмешки есть, — сказал Артём с лёгкой улыбкой, указывая на стол, где уже стояли тарелки с едой. — Надеюсь, ты голодна. Мы уселись за стол и начали кушать. Пицца была невероятно вкусной — с тонким хрустящим тестом и сочной начинкой, а пельмешки оказались домашними, прямо как у моей бабушки. Еда была поистине восхитительной, и я с удовольствием наслаждалась каждым кусочком. Мы болтали о еде, о каких-то мелочах, и атмосфера царила очень непринуждённая и тёплая. Я чувствовала себя так, будто знаю его всю жизнь. Вдруг из-за угла показался тот самый кролик, которого Артём «спас» от мусорки. Он был такой крошечный,

пушистый, с большими любопытными глазами. Он осторожно подошёл к моим ногам, издавая тихое «мур-мур». — Ути, какой милый... — я тут же наклонилась, поглаживая его мягкую шёрстку. — Это ты, да? Тебя тут никто не морковкуит, да? Плохой Артём! Я тебя заберу от него!

кролик, понимая, что речь идёт о нём, потёрся о мою руку. Я чувствовала, как его маленькое тельце вибрирует от мурлыканья. Артём лишь усмехнулся, глядя на нас. — Ну да, ну да, конечно, — говорит он, его глаза сверкают весельем. — Он меня любит! И знаешь, он ест больше тебя! — Он рассмеялся, указывая на кролика, который уже забрался ко мне на колени и довольно мурлыкал. И тут к нам подошёл ещё один обитатель дома Артёма — его огромный доберман. Цирбер. Он был такой внушительный, но при этом совершенно не страшный, а наоборот, ласковый. Он тихонько подошёл и осторожно лизнул меня в щёку, словно приветствуя. Я улыбнулась, погладив его по голове. Это было так мило. Я почувствовала себя по-настоящему счастливой в этом доме, окружённая этой удивительной компанией. Вечер. Двадцать часов. Мы с Артёмом решили прогуляться. Я была одета в серые спортивные штаны, белые кроссовки и серую футболку с длинным рукавом. Артём — в синюю футболку, серые спортивные штаны и белые кроссовки. кролик остался дома, а вот Цирбера он взял с собой. Артём держал его на поводке, и мы шли по улице, болтая обо всём на свете, наслаждаясь свежим воздухом и тёплым осенним вечером. Я чувствовала

ла себя так легко и свободно. Подойдя к моему подъезду, я вдруг заметила Максима. Он стоял у стены, немного покачиваясь, и от него явно пахло алкоголем. Его взгляд был мутным, и когда он увидел меня, лицо исказилось злостью. — Ты куда пришла так поздно?! — накричал он, его голос звучал громко и резко. — Домой! Быстро! — Он схватил меня за руку, и его хватка оказалась сильной. Я испуганно посмотрела на Артёма, но он, всё понял по моему взгляду. Он крепче сжал поводок Цирбера, его лицо стало мрачным. Максим, не обращая внимания на Артёма, потащил меня домой. Зайдя в квартиру, он продолжил свои нападки. — Почему ты раньше не пришла?! Где шлялась?! — кричал он, и тут я почувствовала сильный удар. Он ударил меня прямо дома. Я вскрикнула от боли, но промолчала, сжимая кулаки. Я привыкла к этому. Двадцать два часа. Саша и Алёна гуляли по вечерней Москве. Они были счастливы. Шли, держась за руки, целовались, смеялись. Кушали сладкую, воздушную сахарную вату, обсуждая свои планы на будущее, на поступление в вуз после окончания школы. Алёна смотрела на Сашу с такой любовью, что, казалось, звёзды отражаются в её глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.